

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Продано

3 миллиона

экземпляров

ЛУЧШИЕ

ДЕТЕКТИВЫ

БЕЛЬГИИ

Новый роман о выдающемся инспекторе Ван-Ине.
Современный Эркюль Пуаро в действии!

ПИТЕР

**ДЕТИ
ХРОНОСА**

АСЛЕ

И вновь нам предстоит
погрузиться в загадочную
атмосферу Бельгии, где даже
в самых тихих переулках
происходят пугающие
преступления!

Washington Post

Питер Ван-Ин

Питер Аспе
Дети Хроноса

«Центрполиграф»

1997

Аспе П.

Дети Хроноса / П. Аспе — «Центрполиграф», 1997 — (Питер Ван-Ин)

В саду частного загородного поместья обнаружен скелет человека. Комиссар Ван-Ин и его друг инспектор Версавел вскоре выясняют, что поместье в ту пору, когда было совершено убийство, принадлежало благотворительной организации «Собственная помощь», а на самом деле очень богатому и уважаемому жителю Брюгге. И располагался в его владении закрытый бордель для влиятельных людей города. Сюда поставлялись «специальные девочки», с которыми можно было делать все что угодно. Расследование усложняется из-за выдвинутого против комиссара обвинения в давлении на свидетеля. Но тут происходит новое, невероятно жестокое убийство...

© Аспе П., 1997

© Центрполиграф, 1997

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Питер Аспе

Дети Хроноса

Роман

Pieter Aspe
De Kinderen Van Chronos

*Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без
письменного разрешения издателя.*

*Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном
порядке.*

Copyright © 1997 Uitgeverij Manteau / WPG Uitgevers België nv,
Mechelsesteenweg 203, B-2018 Antwerpen en Pieter Aspe. «Дети Хроноса»

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Все герои и события вымышлены.

Любое совпадение с реальными людьми и ситуациями случайно.

* * *

Посвящаю своим родителям

Кто боится страдания, тот уже страдает от боязни.

Монтень

*Нет, ни о чем,
Нет, я ни о чем не жалею.
Ни о хорошем, что я сделала, ни о плохом.
Мне все равно.
Нет, ни о чем,
Нет, я ни о чем не жалею.
Это оплачено, выброшено, забыто.
Мне наплевать на прошлое.*

Мишель Вокэр

Глава 1

– Мама-а-а, мама-а-а!

Протяжный вопль звучал резко и пронзительно. Он легко заглушал визг дрели. Хюго Вермаст обиженно обернулся. На другой стороне луга Тине размахивала веткой. Больше всего она была похожа на пеструю тень в море желто-зеленой травы.

– Мама-а-а, мама-а-а!

Йорис тоже оторвался от своего занятия. Его сестра танцевала так, словно ее ужалил слепень. Она часто так делала, если мама появлялась не сразу. Йорис не обратил на это никакого внимания. Он спокойно продолжил считать шурупы. На упаковке было указано, что их должно быть сто штук.

Тине продолжала кричать. Хюго выключил дрель. Обеими руками он вытер налетевшую в глаза пыль. Следы грязи образовали на его щеках полосатый узор. Он был похож на американского морского пехотинца из дешевого фильма о войне. Теперь он видел ее более отчетливо. Судя по всему, ничего страшного не случилось. Его дочь была гиперактивным ребенком. Это был не первый раз, когда она кричала как резаная, если не добивалась своего.

Лен загорала, лежа в шезлонге, в ее портативном CD-плеере играл диск Барта Каэлла. Третий крик о помощи долетел до нее между двумя песнями. Она выдернула из ушей наушники и поспешила к месту происшествия.

Хюго покачал головой, когда увидел, как его жена бежит босиком по жесткой траве. Сейчас она наступит на осколок стекла, и виноват снова будет он. Как только она поранится, он сначала выругается, а потом пойдет за бинтом и дезинфицирующим средством. Пятнадцать лет жизни в браке сделали его покорным. Женщинам нравился такой вид смиренности. Мир во всеоружии был всегда более пригодным для жизни, чем изнурительная война.

И все же ему было грех жаловаться. Многим другим мужчинам повезло куда меньше. В свои тридцать восемь лет Лен все еще была привлекательной женщиной. В своем плотно обтягивающем купальнике она выглядела восхитительно. Две беременности едва ли отразились на ее фигуре, чему очень завидовали ее коллеги.

– Мама, смотри, что я нашла.

Тине размахивала костью, как барабанной палочкой. Она видела такое на ярмарке. Девочка гордилась своим трофеем. Лен в ужасе смотрела на берцовую кость и на яму. Она схватила Тине за руку и попыталась отобрать у нее кость.

– Она грязная, Тине. Ну-ка, дай ее маме.

– Нет, она моя.

Как многие современные мамы, Лен настаивала недолго. Она крепко схватила Тине и потащила ее за собой.

– Папе это не понравится.

Девочка начала душераздирающе рыдать. Она знала, что в таком случае папа оставит ее в покое.

Хюго узнал рев. «Лен собралась мыть этого поросенка», – подумал он. Он взял дрель и нажал на кнопку. Йорис подал ему шуруп. Хюго подмигнул сыну. Столько шума из-за ветки. У них были дела и поважнее.

* * *

Гвидо Версавел застал Ван-Ина в новехонькой кухне полицейского комиссариата. Здание было семидесятых годов, политики называли его современным. После четырех скромных петиций, написанных сотрудниками, – каждый бургомистр получил по одной петиции, – шесть месяцев назад здесь наконец-то установили кухню. Кроме дешевой микроволновки и подержанного холодильника, в ней ничего не было, но и этого должно было хватить для того, чтобы поддерживать моральный дух команды на должном уровне.

Ван-Ин доедал последние ложки фруктового салата. Он выглядел не особенно счастливым.

– Приятного аппетита, – ухмыльнулся Версавел.

Ван-Ин отодвинул пластиковый контейнер в сторону.

– Сегодня вечером в меню треска. Вареная рыба. О боже. Я не могу об этом думать.

– Ты должен радоваться, что Ханнелоре о тебе заботится. По-моему, ты уже сбросил пять килограммов.

Ван-Ин пригладил рубашку, которая уже болталась на нем. За последние три месяца он прошел через ад: кукурузные хлопья, рыба, овощи, фрукты, вода и изредка бокал вина. Даже сигареты она выдавала поштучно. Но он же не беременный!

– Я думаю, тебе лучше прятать их в машине, – посоветовал Версавел с наигранным сочувствием, когда Ван-Ин осторожно достал сигарету из нагрудного кармана. – Только что поступил код «первый».

Ван-Ин махнул рукой и осторожно спрятал сигарету, словно она была драгоценным сокровищем.

– Ты не мог сказать мне об этом пять минут назад? Тогда мне не пришлось бы жрать эту дрянь.

– Мог бы. – Версавел злорадно усмехнулся. – Но ты же знаешь, что я не решусь отвлекать тебя от еды.

Они спустились по лестнице: Версавел – посмеиваясь, Ван-Ин – ругаясь. На этот раз Ван-Ин не задыхался, когда они оказались внизу.

Даже такой перенаселенный город, как Брюгге, может похвастаться парой клочков девственной природы. Между Синт-Андрисом и Варсенаре можно найти места, которые проектировщики, видимо, проморгали. Отреставрированный загородный дом семьи Вермаст был одним из таких оазисов. Чтобы до него добраться, Ван-Ину и Версавелу пришлось свернуть на песчаную дорогу, которая была вправе называться «частной дорогой». Черепичная крыша едва высывалась над пышной живой изгородью из боярышника, которая зеленым квадратом обрамляла это великолепие.

Решетчатые ворота были открыты, и Ван-Ин беспрепятственно въехал во двор. Загородный дом выглядел очень романтично: кирпичи, обработанные пескоструйкой, старинная черепица, побеленные стены и запах тысячи соседских свиней. Какой изработавшийся смертный не мечтает сегодня о собственной лачуге в сельской местности? «О времена, о нравы!» В шестидесятых годах, когда все молились на бетон и алюминий, такие хлева сносили. Сейчас те, кто оказался попроворнее, воспользовались модным синдромом кокона. Современному человеку потребовалось уединение, место, где он мог бы дать себе волю. Хибара с лужей воды в подвале рекламировалась в объявлениях как уникальное имение с природным источником. Протекающая крыша и гниющие деревянные перекрытия считались признаками аутентичности.

– Господин Вермаст. Я полагаю, вы нам звонили.

Хюго кивнул. Черные полосы на бледной коже его лица придавали ему свирепое выражение.

– Да. Моя жена жутко расстроена.

– Вы нашли скелет? – спросил Ван-Ин довольно резко.

Версавел окинул взглядом худощавого мужчину. Вермаст был жилистым, жаль только, что с искривленной спиной и впалой грудной клеткой.

– Моя дочь откопала кости.

Вермаст указал на противоположную сторону луга. Кучка земли обозначала место находки.

– С тех пор как мы начали ремонт, она хочет помогать папе. Вы же знаете детей. Они все копируют. – Вермаст нервно засмеялся, вернее сказать, заржал.

Ван-Ин не отреагировал.

– И вы уверены, что это не овечьи кости?

Уже не раз случалось, что горожане били тревогу, наткнувшись на кучу костей животных при перекапывании своего сада.

В поисках ответа Вермаст открывал рот, отчего он был похож на рыбу, оказавшуюся на суше.

– Я не думаю...

Ван-Ин и Версавел обменялись понимающими взглядами.

– То есть вы не уверены.

– Моя жена – медсестра. Она подумала, что...

– Ну хорошо, господин Вермаст. Я полагаю, ваша жена знает разницу между человеческими и овечьими костями.

Несмотря на то что слова Ван-Ина прозвучали вполне убедительно, он не был так уверен в их справедливости. В последнее время о медицинских работниках ходили совершенно бредовые слухи.

Вермаст облегченно вздохнул. Представьте, что Тине выкопала бы скелет овцы, а он бы из-за этого вызвал полицию.

– Лично я, конечно, предпочел бы овечьи кости, – заметил Ван-Ин. – Это избавило бы нас от уймы бумажной работы.

Вермаст поддакнул с покорной улыбкой. С представителями полиции лучше быть начеку.

– Сначала нам нужно это проверить, господин Вермаст. Я предлагаю взглянуть на вещественные доказательства вблизи.

Вермаст продолжал стоять в нерешительности:

– На вещественные доказательства?

– На скелет, господин Вермаст, – приветливо уточнил Версавел.

Ханнелоре Мартенс влетела во двор на своем «рено-твинго», как заправский автогонщик. Ее хрупкий драндулет вел себя образцово: со скрежетом замер менее чем в двух метрах от мужчин. Ханнелоре поставила машину на ручной тормоз и мгновенно выскочила из нее. На ней было летнее белое платье без рукавов и кеды без носков. Когда Ван-Ин увидел ее, он чуть было не усомнился в том, что она уже на шестом месяце беременности.

– Всем добрый день.

Ханнелоре обняла Ван-Ина. От ее поцелуя у него стало пощипывать кожу. О боже, какая же от нее исходила прелестная свежесть. Потом она поцеловала Версавела в щеку. Инспектор любезно принял поцелуй. В такие моменты он бы предпочел быть гетеросексуалом.

– Он хорошо себя ведет?

Вермаст смотрел на них троих в полной растерянности.

– Фруктовый салат был великолепным, и Питер в радостном предвкушении вечера, не так ли, коллега?

Ван-Ин что-то буркнул. Версавел был хуже его тещи. Он использовал любую возможность поддержать дьявольские планы Ханнелоре. «Любовь значит есть то, что ест она», – горько подумал Ван-Ин. В этот момент он бы отдал свою душу за порцию жирной картошки фри.

Ханнелоре заметила, что Вермаст удивленно наблюдает за этой сценой, и официально представилась:

– Ханнелоре Мартенс, заместитель королевского прокурора. Мне поручено расследование.

Вермаст вытер свою вспотевшую руку о грязные шорты.

– Приятно познакомиться.

Ее рука была сухой и прохладной.

– Мы как раз собирались осмотреть останки, – сообщил Ван-Ин. – По словам госпожи Вермаст, речь идет именно о человеческих останках.

– Хорошо, – ответила Ханнелоре.

Несмотря на то что перспектива увидеть скелет вызывала у нее легкое отвращение, показывать это она не собиралась.

Лен Вермаст с отсутствующим видом сидела вместе с детьми на скамейке перед домом. После настойчивых угроз и упрасиваний ей наконец-то удалось вырвать из рук Тине берцовую кость, которая теперь лежала перед ней на земле. Тине сидела с красными глазами и дулась. Йорис невозмутимо продолжал считать шурупы. Берцовая кость его не интересовала. Он недо считался двух шурупов, и эта аномалия поглотила все его внимание.

Лен улыбнулась Ханнелоре. Жена Вермаста была явно в замешательстве. Мысль о том, что в ее саду был кто-то закопан, приводила ее в ужас. По мнению Ханнелоре, она была на грани срыва.

– Я сейчас приду! – крикнула она вслед мужчинам.

Ван-Ин увидел, как Ханнелоре осталась с женой Вермаста, и посчитал, что так будет лучше.

– Это однозначно не овца.

Версавел указал на череп, который наполовину высовывался из песка. Вермаст охотно кивнул. Полицейский постарше был ему симпатичен. Ван-Ин оставил замечание Версавела без комментариев. Он спрыгнул в яму. «Поразительно, что может учинить ребенок, приложив немного усилий», – подумал он. Глубина ямы была минимум метр.

– Ваша дочь выкопала ее одна?

Вермаст снова заржал. Очевидно, он всегда так смеялся, когда нервничал.

– Конечно нет, комиссар. Мне нужен был песок, чтобы замесить строительный раствор, а он здесь в изобилии. Я выкопал яму. Но как вы, вероятно, знаете, все дети любят играть с песком.

Яма была подарком с небес. Тине порой часами просиживала в импровизированной песочнице и никого не доставала.

Ван-Ин опустился на колени. Как настоящий археолог, он смахнул с черепа подсыхающий песок. Версавел нахмурился.

– Лео уже в пути, – сообщил он обеспокоенно.

Ван-Ин приостановил «раскопки». Версавел был прав.

Это работа криминалистов. Он осторожно выбрался из ямы. Желтый, как луковица, череп блестел на ярком солнце. Ван-Ин призадумался над тем, будет ли кто-нибудь однажды вот так рассматривать его мертвую голову.

– Мне огородить могилу?

Версавел намеренно использовал слово «могила». Возможно, это прозвучит старомодно, но он считал, что мертвые заслуживают уважения.

– Да, Гвидо. Иначе у нас будут неприятности с сотрудниками из прокуратуры.

Версавел пошел к полицейской машине. Казалось, что он, как и Ханнелоре, был невосприимчив к палящему зною. На его немнущейся рубашке едва ли были следы пота. В то время как Ван-Ин чувствовал, как его трупы прилипают к ягодицам, и это было более чем неприятно.

Теперь, когда они остались одни, Вермаст стоял, словно сирота. Должен ли он что-нибудь сказать или ему лучше помолчать? Ван-Ин же не возражал против тишины.

– Странное открытие, вы так не думаете, господин Вермаст? Надеюсь, что это не ваша теща, иначе нам не придется искать убийцу далеко.

На этот раз Вермаст не заржал, отметив про себя, что убивать тещу было бы глупо, ведь эта стерва оплачивала половину их ипотеки.

Они все приехали одновременно: Лео Ванмаэль, Рюди Дегранде из отдела криминалистики, судмедэксперт и четыре агента полиции Брюгге. Двор сразу стал похож на парковку супермаркета, у которого нет отбоя от покупателей.

После обязательного обмена любезностями Лео принялся за дело. «Никон» жужжал, как пчела над жасминовым полем. Маленький круглый фотограф-криминалист сделал сорок снимков меньше чем за десять минут. Потом в могилу спустился судмедэксперт.

Александр Де-Ягер был знаменитым жителем Брюгге. По крайней мере, так он думал. Судмедэксперт вел активную социальную жизнь. Он был председателем различных культурных сообществ и научным руководителем местного карнавального объединения. Де-Ягер был худой и костлявый – его фигура не соответствовала образу горячего бургундца, которым он во что бы то ни стало хотел собой являть. Де-Ягер искал признания в кругах, к которым не принадлежал. У него как у врача была такая репутация, с которой мало на что можно рассчитывать. Пятнадцать лет назад после серьезной профессиональной ошибки его едва не исключили из ордена врачей. Работа в прокуратуре показалась ему в тот момент удачной альтернативой. Там ему приходилось иметь дело только с покойниками, что существенно снижало вероятность допустить вторую ошибку.

Ван-Ин остановил свой взгляд на лысой голове Де-Ягера. «Один скелет ощупывает другой», – весело подумал он.

– Это бесспорно человеческие останки, – заявил Де-Ягер академическим тоном.

Он взял череп в руки и показал его остальным, как дешевый трофей. Версавел посмотрел в другую сторону. Прошло столько лет, а судмедэксперт так и не имел ни малейшего понятия о правилах обследования следов преступления. Подобный непрофессиональный подход часто приводил улики в негодность. Неудивительно, что у народа пропало доверие к работе суда. Рюди Дегранде думал, вероятно, о том же, потому что утешительно подмигнул инспектору Версавелу.

Ван-Ин сдавленно вскрикнул, получив тычок между ребер. Де-Ягер раздраженно посмотрел в его сторону, но заметил Ханнелоре и расплылся в улыбке.

– А, это вы, госпожа заместитель прокурора. Я не знал, что вы уже прибыли.

Ханнелоре продолжала стоять на безопасном расстоянии от ямы.

– Вы не могли бы нам что-нибудь рассказать о причине смерти, доктор?

Де-Ягер был ростом не выше метра шестидесяти. Стоя в яме, он был похож на движущийся скульптурный бюст.

– Нет.

Де-Ягер положил череп на край ямы. У Ханнелоре возникло ощущение, что пустые глазницы черепа уставились на нее. Или это Де-Ягер пытался заглянуть ей под юбку?

– В данный момент я не вижу никаких признаков, которые бы позволили мне сформулировать обоснованное заключение. Дальнейшее обследование должно показать, умерла ли жертва естественной смертью или нет.

Ван-Ин скривился. Версавел, не в силах сдержать ухмылку, прикрывал лицо рукой.

– Вы имеете в виду, что мне придется ждать результатов вскрытия?

– Да.

– И когда мне ожидать ваш отчет?

Вероятно, впервые Де-Ягеру задали подобный вопрос. Бедный судмедэксперт задохнулся.

– Мне потребуется несколько дней. Как насчет начала следующей недели?

– Сегодня только понедельник, – расстроено заметила Ханнелоре.

Де-Ягер, почувствовав себя неловко, огляделся.

– Я сделаю все возможное, чтобы закончить вскрытие до конца недели, – сказал он с застывшей ухмылкой.

Ханнелоре наградила его сияющей улыбкой:

– Прекрасно, доктор.

Она повернулась и пошла к дому. Даже Ван-Ин стоял, потрясенный ее поведением.

– Сколько сейчас времени?

Версавел посмотрел на свои часы:

– Двадцать минут пятого.

Ван-Ин неохотно отпил минеральной воды. В довершение всего она уже была негазированная. Ничего удивительного. Стакан уже больше четверти часа стоял под палящим солнцем. Ханнелоре может идти к черту со своей диетой. Он поднял руку. Официант отреагировал моментально, оно и понятно, кроме Ван-Ина и Версавела, на террасе никого не было.

– Две «Перрье»?¹ – спросил он жадно.

– Нет, мне «Дювель»². Холодное, если можно.

Ван-Ин, довольный, откинулся на спинку плетеного стула. Теперь он прекрасно представлял, как Александр Македонский разрубил гордиев узел.

– Какое счастье, что Ханнелоре срочно надо в суд.

Ван-Ин ожидал услышать какое-нибудь язвительное замечание.

– Проблемы, Версавел?

– У меня нет, Питер. Но если ты потом встанешь на весы...

Ван-Ин пожал плечами и вылил тепловатую минеральную воду в совершенно высохшую траву.

– Скелеты наводят меня на мысли о пустыне, Гвидо. Более того, прошло две недели с тех пор, как я не устоял против искушения. Я умираю от жажды.

Это прозвучало несвязно, но Версавел уже привык. Любая ассоциация, которую приводил Ван-Ин, в конечном счете вела к «Дювелю».

– В пустыне большинство людей довольствуются водой. Ты, наверное, единственный фламандец, который утоляет жажду «Дювелем».

– Нет правил без исключений, Гвидо. Ты ведь должен это знать, ты же голубой.

– И я это знаю, – произнес Версавел нарочито высоким голосом. – Но на твоём месте я бы уже начал упражняться на случай, если мы скоро станем большинством.

¹ «Перрье» – французский бренд минеральной воды. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

² «Дювель» – бельгийский бренд пива. (Примеч. ред.)

На обслуживание жаловаться не приходилось: через минуту официант уже принес ледяной «Дювель» и искрящееся «Перрье». Ван-Ин не постеснялся пробуравить носом густую пену и сделал глоток. Версавел не стал ему мешать.

– В любом случае Вермасту не стоит волноваться о своем луге, – заметил Ван-Ин весело. – Через несколько дней его аккуратно перекопают.

– Ты думаешь, там есть еще тела?

– Кто знает, Гвидо. Европейцы потихоньку входят во вкус. Серийные убийцы уже какое-то время не типично американский феномен. Мне жаль людей из прокуратуры, которые сейчас перерывают землю.

– Мне нет, – сухо парировал Версавел.

И оба расхохотались.

* * *

Ив Провост уже запирает дверь своего офиса, когда зазвонил телефон. Он нехотя снова повернул ключ и шагнул внутрь.

Несмотря на то что Провост был заурядным адвокатом, у него имелась огромная вилла в Кнокке, квартира в Кап д'Агде и домик в горах в Австрии. Его адвокатская контора размещалась в величественном особняке на канале Груне-Рей – место в Брюгге, которое наиболее часто встречается на различных изображениях города.

Провост прошел по длинному коридору. Его шаги глухо звучали в узком пространстве с высокими потолками. В отличие от остальной части дома его офис представлял собой образец того, что в настоящее время завладело воображением итальянских дизайнеров: гладкие столы из полированного вишневого дерева, футуристические шкафы с незаметными дверями, черные лакированные стулья, на которых никто не мог усидеть больше пятнадцати минут, и затейливые светильники, которые почти не давали света.

– Алло, Провост слушает, – рявкнул он, сняв трубку оливково-зеленого цвета с необычно плоского телефонного аппарата.

– Ив, это Лодевейк, – прозвучало еще гораздо более неприветливо.

Провост замер. Если Лодевейк Вандале огрызается, значит, Провоста ждут плохие новости.

– У нас проблема, Ив.

– Я слушаю.

– Это не телефонный разговор. Садись за компьютер и жди моего письма.

Провост не успел потребовать объяснений. Вандале повесил трубку и направился к своему рабочему столу. В отличие от офиса Провоста кабинет Вандале навевал мысли о старомодной добротности. Здесь были только дубовая мебель, медь, бархат и полотна уже давно забытых художников девятнадцатого века, голубовато-серый компьютер IBM стоял на столе в стиле Людовика XVI. Компьютер так же не сочетался с остальным интерьером, как гамбургер с трехзвездочным рестораном.

Вандале был человеком старой закалки. Однако это не означало, что он избегал современных технологий. Как ученик Макиавелли, он использовал всякое средство, которое могло послужить его цели. И как верный католик, он, и глазом не моргнув, выдал бы свою дочь замуж за мусульманина, если бы этот союз принес ему хоть какую-нибудь выгоду. К счастью, у Вандале не было дочери. Он сознательно остался холостяком, потому что от женщин одни только неприятности.

Вандале включил компьютер и отправил Провосту сообщение по электронной почте. Для этого он использовал так называемый сложный код, ключ от которого был известен только Провосту.

Барт, главный инспектор полиции Брюгге, услышал, как Вандале, шаркая ногами, шел по коридору. Он знал его уже очень давно. Еще молодым агентом, Барт однажды застал Вандале с полуголым мальчиком на заднем сиденье припаркованной машины. После словесной перепалки они все уладили как взрослые люди. Вандале заплатил ему десять тысяч франков, на этом все и закончилось. Барт знал эту «кухню». И отлично понимал, что если не примет взятку и составит протокол, то Вандале просто-напросто подкупит кого-нибудь из прокуратуры. В обоих случаях для педофила исход был бы положительным. Для Барта же разница состояла в десяти тысячах франков, которым он в то время мог найти применение. Когда он спустя несколько недель познакомился с Мелиссой, женщиной, которая стоила ему целое состояние, он набрался смелости и связался с Вандале в надежде оговорить точную сумму взятки. Однако старый лис не поддался на попытку шантажа, но и не отправил его домой с пустыми руками.

Он предложил Барту быть «связующим звеном» между ним и полицией. В обмен на это Барт ежемесячно получал в качестве вознаграждения определенную сумму. За предоставление важной информации и за рискованные задания он мог рассчитывать на приличный бонус.

– Прошу прощения, что заставил вас так долго ждать. Мне надо было позвонить племяннице, вы же знаете женщин, – засмеялся Вандале.

– Ничего страшного, господин Лодевейк.

Барт надеялся, что Вандале раскошелится, потому что Мелисса уже несколько месяцев мечтала о широкоэкранном телевизоре.

– Вы знаете, что я очень ценю вашу преданность, господин Барт.

Ростом Вандале был метр девяносто с лишним. Он излучал авторитет, и его зычный голос многим внушал уважение.

– То есть вы посчитали мою информацию полезной?

Вандале сложил свои тонкие губы трубочкой. При виде розового ротика у Барта побежали мурашки по коже. В глубине души он ненавидел педофилов.

– Полезной – это некоторое преувеличение, мой дорогой Барт. Давайте будем называть ее интересной. Я уже очень давно продал загородный дом. Если сейчас там внезапно обнаружился скелет, то это не более чем происшествие. Вы ведь не думаете, что...

– Разумеется, нет, господин Лодевейк.

Барт сглотнул. Скелет тоже лежит в земле уже давно. Эта новость явно напугала Вандале. Иначе почему же он сломя голову рванул в свой кабинет, когда Барт рассказал ему о находке? На то, что старик растерялся, указывала отговорка о срочном звонке племяннице. Эта отговорка была такой же прозрачной, как пенюар Мелиссы.

– Но это не помешает мне должным образом наградить вас за ваши хлопоты.

Лицо Барта просветлело. Деньги были единственным аргументом, который мог заставить его молчать. Вандале вынул из бумажника четыре банкноты по десять тысяч. Лицо Барта откровенно сияло. Завтра Мелисса получит свой широкоэкранный телевизор. Когда он потом придет домой и расскажет ей хорошие новости, она вдруг обнажится. Может быть, на ней будет кружевное белье, которое он подарил ей на Рождество.

– Это необыкновенно щедро с вашей стороны, господин Лодевейк.

Вандале дружески похлопал его по плечу.

– Я надеюсь, вы и дальше будете держать меня в курсе?

– Само собой разумеется, господин Лодевейк. Если появится что-то новое, я вас немедленно проинформирую.

Ханнелоре устроилась в саду: ноги в приподнятом положении, стакан охлажденного овощного сока под рукой. Последние лучи солнца скользили вдоль облака, едва касаясь его. Рассеянный свет окрашивал стены их персонального земного рая в соломенно-желтый цвет,

словно кто-то надвинул на солнце поляризационные очки. Если верить прогнозу погоды, это был последний день лета.

Ван-Ин демонстративно выложил на стол три сигареты и сделал маленький глоток мозельвейна. Он имел право на два бокала.

– Вкусно?

– Божественно.

Вдали тихо звенели колокола. С юго-востока поднимался ветер. Потом будет дождь, как и обещали.

– Диета в любом случае помогает.

Ханнелоре наслаждалась своим «новым» мужчиной. Ван-Ин сидел в трусах. За три месяца автомобильная шина вокруг его поясицы уменьшилась до размеров спущенной велосипедной камеры.

– Сегодня утром Версавел тоже это заметил. Какой следующий шаг? Собака?

Ханнелоре приподняла брови.

– Собака? – спросила она удивленно.

– Ну да, тогда ты будешь отправлять меня по вечерам выгуливать собаку. Это тоже будет сжигать кучу калорий.

От внезапного порыва ветра зашелестели листья. Это было похоже на звук гремучей змеи.

– Когда скоро появится ребенок, ты, наверное, будешь рад тому, что тебе надо будет выгуливать собаку.

– Что ты хочешь этим сказать?

Ван-Ин зажег сигарету и наслаждался ударной дозой никотина. Ханнелоре приподняла платье, взяла его руку и положила ее себе на живот.

Когда она сидела, округлый живот был более заметен.

– Я еще не скоро увижу, как комиссар Ван-Ин меняет ребенку подгузники, – улыбнулась она. – Думаю, ты благодарить меня будешь, когда я вас с Фидо буду отправлять на прогулку.

Глядя на ее гладкий живот, он представил себе обкаканную детскую попку и его страсть поубавилась.

– С этого дня, Питер, мы можем вести обратный отсчет. Сегодня утром я в первый раз почувствовала шевеление ребенка.

Ван-Ин плотно прижал свою руку к ее животу, но ничего не почувствовал.

– Я вот думаю, а не вредны ли для тебя все эти эмоции, – озабочился он неожиданно серьезно.

Грозные тучи окрасили траву в темно-зеленый цвет. Сумерки медленно одерживали победу над угасающим солнцем. Ханнелоре сделала глоток овощного сока.

– Мы живем не в Средневековье, Питер. Ребенок же не родится чудовищем из-за того, что я сегодня видела череп.

– В твоем положении я бы над этим не смеялся. Моя мама всегда говорила...

– Чушь. Ты же не веришь в эти бабушкины сказки?

«Почему мужчины ведут себя так инфантильно, когда их жена беременна?» – спрашивала себя Ханнелоре. В конце концов, она просто делала свою работу.

Ван-Ин жадно посмотрел на две оставшиеся сигареты, которые, словно мелки, контрастировали с деревянной столешницей. Он взял одну и мигом ее зажег.

– Раньше все было проще, – вздохнул Ван-Ин. Он глубоко затянулся и сделал глоток вина.

– Ты же не переживаешь из-за того, что через несколько месяцев тебе придется менять ребенку подгузник?

– Я бы хотел, чтобы мы сидели на необитаемом острове, – вместо ответа, произнес Ван-Ин мечтательно. – Никаких хлопот. Потягивать вкусные коктейли, жарить рыбу и остальную часть дня валяться на пляже.

– Питер, множественное число от «подгузника» – «подгузники». Это Ветте-Виспорт³, а не необитаемый остров, вино закончилось и сейчас начнется дождь.

Над багровой черепичной крышей сгустились грозовые тучи.

– Знаешь, как мы поступим, – сказала она с загадочной улыбкой. – Если ты за месяц раскроешь дело о скелетах, поездка в Португалию за мой счет.

– Шутишь?

– Ты мне не веришь?

– Верю. А ты проверяла состояние нашего банковского счета?

– На моем сберегательном счете всегда есть кое-что на черный день.

– Эти деньги нам нужны для малыша, – протестовал Ван-Ин. – Кстати, это еще вопрос, назначат ли на это дело меня.

– Я об этом позабочусь, Питер.

– Ни в коем случае.

– Есть дело или нет дела, я хочу в Португалию. Скоро у нас уже больше не будет такой возможности, – заявила она решительно.

– Любимая, ты же знаешь, что беременным женщинам летать на самолете не советуют.

– Да?

Ханнелоре встала и медленно сняла платье. Она выглядела как модель Боттичелли: чувственная, плодовитая, необычайно женственная. Нет ничего прекраснее, чем будущая мать.

– То есть летать нельзя. Но, может быть, господин хочет приземлиться на родной аэродром?

– Ханне... – простонал Ван-Ин.

– Я надеюсь, у господина голова не болит?

Он решительно затоптал наполовину выкуренную сигарету и нырнул к Ханне в траву. Высоко над их головами сталкивались холодные и теплые воздушные фронты. Первый удар грома прокатился по городу, как подпрыгнувший шар от боулинга. Ван-Ин парил на шептавшей ему разные приятные слова «воздушной подушке». Он едва чувствовал тяжелые капли дождя, которые падали ему на спину.

³ *Ветте-Виспорт* – бывшая богадельня, Брюгге.

Глава 2

Ван-Ин наполнил коридоры полицейского участка резким запахом мускуса. На нем были обесцвеченные джинсы и бежевая хлопковая рубашка. Его старые свитера Ханнелоре отправила в корзину для тряпья и была при этом неумолима. Эти камуфлирующие свитера теперь окончательно остались в прошлом. Теперь и живот больше не надо было втягивать. «Жизнь порой может быть очень милостивой», – подумал Ван-Ин. Когда он зашел в кабинет 204, Версавел свистел как человек, у которого в жизни все отлично складывается.

– Доброе утро, брат, – усмехнулся он.

Ван-Ин проигнорировал это сексистское замечание и с радостью зажег первую сигарету.

– Жизнь действительно начинается после сорока, Гвидо. Ты все это время был прав. Сейчас мне действительно этого хочется.

– Сейчас? – спросил Версавел двусмысленно.

– Нет, не «сейчас» и, конечно, не с тобой. Лучше скажи мне, есть ли уже новости о нашем скелете.

Версавел глубоко вздохнул. Скелеты навели его на мысли о кучах личинок, которые кишмя кишели в пустых глазницах.

– Ты имеешь в виду нашего Джона Доу?

Он предпочел американский эвфемизм. Там труп называют stiff⁴. Того, кто умирает до прибытия в больницу, – dead-on-arrival⁵, а неопознанный stiff именуется Джон или Джейн Доу⁶.

– Гвидо, ты же знаешь, что у меня аллергия к этой трансатлантической ерунде. Давай будем называть скелет Гербертом. Немного оригинальности не помешает, ты так не считаешь?

Версавел скрестил руки, как сейчем⁷, который гордо принимает безропотное повиновение своего племени.

– Ваше желание – для меня приказ, комиссар.

Ван-Ин демонстративно выпустил облако табачного дыма в сторону его подчиненного.

– Ну все, Версавел, хватит.

Инспектор, задумавшись, теребил свои усы. Когда у Ван-Ина было депрессивное настроение, он, по крайней мере, знал, как к нему подступиться. В состоянии же эйфории его начальник был так же неуправляем, как подросток без карманных денег. При таких обстоятельствах существовала альтернатива: не трепаться и продолжать работать.

– Этот факс пришел пятнадцать минут назад, – доложил Версавел серьезно. – Я не знал, что это дело поручили нам.

Ван-Ин взял у него листок бумаги.

– А я знал, – пропыхтел он.

– Ах вот оно что.

– Даже не начинай, Гвидо. Она беременная. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Ван-Ин нехотя затушил первую сигарету, которую он докурив почти до фильтра.

– «Предполагаемая причина смерти: перелом шеи, – прочитал он вслух. – Возраст: от 25 до 30 лет. Рост: 176 сантиметров. Пол: мужской. Дата смерти: 1985–1986 годы. Особые приметы: старый перелом берцовой кости, обширная челюстно-лицевая операция плюс двадцать четыре фарфоровых зуба на штифтах». Господи, это же стоило целое состояние!

⁴ Букв.: окоченевший (англ.).

⁵ Букв.: умер до прибытия (англ.).

⁶ По названию популярных криминальных сериалов «Джон Доу» и «Джейн Доу». (Примеч. ред.)

⁷ Сейчем – вождь некоторых индейских племен.

– Де-Ягер во всех отношениях решил не откладывать дело в долгий ящик. Если я не ошибаюсь, Ханнелоре исходила из того, что последним днем для сдачи отчета будет пятница.

– Она звонила ему вчера днем, – вздохнул Ван-Ин. – Кто-то из прокуратуры шепнул ей на ухо, что клиническое исследование скелета занимает очень мало времени. И не нужно быть гением, чтобы установить, что у кого-то сломана шея. Де-Ягер должен был это увидеть еще в яме.

Ван-Ин поспешно зажег вторую сигарету. Версавел молчал. Он по собственному опыту знал, что добрым намерениям Ван-Ина не суждено длиться долго.

– И все же это удивительное достижение, – заметил он. – Достижение Ханнелоре, я имею в виду. Де-Ягер – упрямый осел. Даже прокурор обращается с ним очень деликатно. В следующем месяце она хочет отправиться в путешествие.

Версавел удивленно посмотрел на начальника. Мозг комиссара работал очень причудливым образом. Обычно у него довольно хорошо получалось следить за ходом мыслей Ван-Ина. Сегодня же это ему едва удавалось.

– Ханнелоре хочет, чтобы я раскрыл это дело как можно быстрее, – пояснил Ван-Ин. – Она из прокурора веревки вьет, и, чтобы войти к ней в доверие, Де-Ягер с удовольствием свою собственную печень порежет на кусочки. Более того, она надеется, что в ближайшем будущем я стану главным комиссаром.

– На твоём месте я бы в таком случае перешел в жандармерию. Скоро все главные комиссары будут оттуда.

Версавел был настроен против жандармерии и не упускал возможность выразить свою досаду.

– Да, Гвидо, смейся. Женщины – сложные существа. Собственно говоря, ты должен радоваться тому, что ты гей.

Вторая сигарета Ван-Ину не понравилась. Если курить слишком мало, сигареты начинают вонять.

– Спасибо за совет, босс.

Ван-Ин пожал плечами, сел за свой стол и снова прочитал факс. Сначала они должны установить личность Герберта. Только после этого можно будет заниматься поисками преступника.

– Я предлагаю тебе проверить, не было ли между 1985 и 1986 годами заявлений о пропавших без вести лет тридцати.

– В Брюгге?

– С чего-то надо начинать. Не так ли, Ватсон?

– Это все?

– Конечно нет. Поручи нашим ребятам обзвонить всех зубных врачей и стоматологов. Человек с такой кучей фарфора во рту должен иметь медицинскую карту, по ней мы его и идентифицируем.

Версавел все покорно записывал.

– Мне разыскать Барта? – спросил он с фальшивой улыбочкой.

Он знал, что у Ван-Ина от этого имени мурашки по коже бегут. Барт был коварным карьеристом, который разными обманными путями дослужился до главного инспектора. В прошлом году он прошел курсы анализа преступлений в Национальном институте криминалистики и криминологии. Название курса звучало модно, и, более того, существование подобных занятий убеждало граждан в том, что суд наконец-то шагнул в XXI век. В действительности Барт едва ли умел обращаться с компьютером, хотя диплом, который висел у него над кроватью, уверял в обратном.

– Есть альтернатива?

Версавел помотал головой:

– Боюсь, что нет, Питер. Ты что, никогда не читаешь служебные приказы?

Говорят, что крысы чувствуют приближение беды. Некоторые люди тоже обладают этим даром. И хотя Ван-Ин к этой категории людей не относился, насмешливый тон Версавела заставил его заподозрить неладное.

– Какие служебные приказы? – осторожно спросил он.

Версавел глубоко вздохнул:

– То есть ты не знаешь, что Де-Ки приписал главного инспектора Барта к нашему отделу?

Когда в прошлом месяце главный комиссар Картон умер от кровоизлияния в мозг, бывший главный комиссар Де-Ки вновь вступил в свою прежнюю должность, до момента, когда найдется подходящий преемник Картона.

– Когда этот кретин появится?

– Завтра, – ответил Версавел.

Плохие новости все переживают по-своему. Поскольку эта была действительно сокрушительной, Ван-Ин потерял дар речи. Он начал хватать ртом воздух, пытаясь сформулировать ругательство, и у него это не получилось, и он, вконец раздосадованный, вышел из кабинета.

Вильям Артс прочитал новости о Герберте за завтраком. Его угловатые челюсти застыли. После стольких лет относительного спокойствия в нижней части его живота появилась тупая боль, словно там кто-то бился в слишком тесном ящике. Он попытался унять эту боль глотком чуть теплого чая. Линда подала ему тост, намазанный сливочным маслом. Два яйца шипели в жире на сковороде. Она прошаркала к плите, сняла сковороду с огня и шмякнула сопливую яичницу на тарелку.

– Что-то случилось? – спросила она.

Прежде Линда Артс была красивой женщиной. Но теперь, в свои тридцать пять лет, она превратилась в толстую тетку со следами чрезмерного употребления алкоголя на лице. Десять лет назад она еще правила, как некоронованная королева ночной жизни Брюгге. Не было ни одного мужчины, который бы ее страстно не желал, но Линда не хотела себя ни с кем связывать. Она танцевала по жизни, словно легконогая нимфа, и кружила головы своим поклонникам. Она флиртowała, разрешала к себе прикасаться, смеялась, когда ее разгоряченные жертвы тайком искали туалет.

Однажды появился Вильям Артс. Им все восхищались. Вильям ездил на «ягуаре», покупал одежду от Армани и неизменно всюду появлялся в сопровождении свиты темпераментных девушек с пышной грудью и торчащими сосками. Он игнорировал правящую королеву, и она с трудом это переваривала. Через две недели Линда разделила постель с победителем. Они поспешно расписались, и праздник продолжался до тех пор, пока Вильям не потратил все до последнего цента. В день, когда это случилось, он убил ее молодость.

Теперь прежние друзья смотрели на нее с презрением. Они называли ее «толстая Линда». Зеркала стали ее злейшими врагами. Каждый раз они показывали две груди не первой свежести, заплывший живот и быстро растущие родимые пятна, из которых торчали жесткие черные волоски. Ее судьба оказалась более жестокой, чем судьба Дориана Грея, и, пожалуй, даже у Оскара Уайльда могла бы вызвать некоторое сострадание.

– Что могло случиться? – грубо отреагировал Вильям.

Линда протерла глаза спросонья. Она закурила сигарету, шестую за сорок пять минут.

– Такое чувство, что ты увидел привидение. – Она поставила перед ним тарелку с яичницей.

– Проваливай, баба. Тебя никто не спрашивал. – Вильям тряхнул газетой.

Она презрительно выдохнула через нос густой дым.

– Немного дружелюбия никогда не приносило жертв, – пропыхтела она.

Слово «жертвы» оказало свое воздействие. Вилльям начал трястись, как стационарный вращающийся дизельный мотор. Линда знала, что очень скоро он взорвется, как вулкан. Из соображений безопасности она отошла назад к кухонной двери. И сделала она это как раз вовремя. Женщина еще стояла в дверном проеме, когда ее муж схватил тарелку с яичницей. Точно в тот момент, когда он ее кинул, Линда закрыла дверь. Тарелка, как фрисби, пролетела по кухне и ударилась о стену. Во время полета яйца соскользнули с тарелки, шлепнулись на пол и взорвались, как маленькие желто-белые слизистые бомбы.

Линда слышала, как Вилльям выругался и подвинул стул. Она бросилась к бару и схватила наполовину опорожненную бутылку «Эликсира д'Анвер». Вилльям распахнул кухонную дверь и заорал, что убьет Линду. Вилльям делал так всегда, когда скандалил. Линда порылась в запасе сигарет, сунула две пачки «Мальборо» в карман халата и взбежала вверх по лестнице. Через час буря поутихнет, и тогда она сможет спуститься вниз. Линда заперла дверь в спальню и прислушалась. На этот раз он не разбивал вещи вдребезги. Он даже не пришел колотить в дверь. Она нервно откупорила бутылку «Эликсира» и припала к горлышку. Вилльям сел за кухонный стол. Перед ним стояла рамка с фотографией его мамы. Траурная лента в верхнем левом углу напоминала ему о трагедии, которая коснулась его шестнадцать дней назад.

Ван-Ин припарковал свой «фольксваген-гольф» перед закрытыми решетчатыми воротами. Звонка нигде не было видно. Хюго Вермаст стоял у кровельного желоба своего загородного дома. Он был очень занят, разбирая покрытую копотью дымовую трубу. Его транзисторный радиоприемник надрывался, заглушая шелест листвы и пение храброго дрозда.

Сложив кисти рук в виде рупора, Ван-Ин поднес их ко рту, сделал глубокий вдох и заорал во всю глотку. После двух громогласных «здравствуйте» радио замолчало. Ван-Ин поднял руку. Последний раз он махал кому-то целую вечность назад. Тридцать лет назад, чтобы быть точнее. Тогда король приезжал в Брюгге с визитом. Всем, кто хотел поприветствовать монарха, разрешили пропустить школу.

Вермаст ответил на приветствие комиссара, с энтузиазмом помахав ему рукой. «Не хватает, чтобы он еще упал с желоба», – подумал Ван-Ин.

Внезапно решетчатые ворота автоматически открылись. Вермаст спустился по лестнице и пошел навстречу Ван-Ину.

– Какое удобное устройство. – Ван-Ин указал на пульт дистанционного управления, с помощью которого Вермаст открыл ворота.

– Надо пользоваться новыми технологиями, комиссар. Чем я могу вам помочь?

– Я бы не отказался от чашечки кофе.

Оба мужчины пошли через двор, заваленный стройматериалами.

– У вас здесь очень романтично, – заметил Ван-Ин, когда, пройдя через ветхую заднюю дверь, они очутились на кухне.

– Давняя мечта моей жены. Она многие годы стремилась жить за городом. Да и для детей это уникальный опыт. Они, как и мама, хотели уехать из города любой ценой.

Ван-Ин даже и подумать не мог, что один из его будущих спиногрызов однажды выгонит его из дома. Он считал, что дети должны слушаться своих родителей. Так называемое свободное воспитание было бредовой идеей горстки сумасшедших врачей. Одним из них был доктор Бенджамин Маклейн Спок. Спустя несколько десятилетий после выхода его первой книги люди об этом пожалели, потому что он загубил жизни миллионов молодых семей: его теория породила легионы спиногрызов.

Интерьер кухни состоял из пестрого собрания керамики с цветочными мотивами, из засушенных цветов и мебели, небрежно обработанной морилкой. Стол был испачкан джемом. Круглые подпалины, образовавшиеся из-за того, что снятые с огня кастрюли слишком быстро ставили на стол, придавали столешнице аутентичный характер.

– Здравствуй, Йорис.

Ван-Ин старался казаться дружелюбным. Мальчик был еще в пижаме и едва ли отреагировал на приветствие незнакомца. Йорис был сосредоточен на аккуратно разложенных в виде решетки кусочках сахара.

– Скажи «доброе утро», сынок.

Йорис проигнорировал наивную просьбу своего отца. Он опустил глаза и выложил из кусочков сахара другой узор.

– Йорис трудно ладит с незнакомыми людьми, – объяснил Вермаст. Может быть, он так морочил голову всем, кто в первый раз перешагивал порог их дома.

– Все нормально, господин Вермаст. Главное, что дети умеют себя развлекать, – горько заметил Ван-Ин, стараясь, чтобы его голос звучал убедительно.

Вермаст поставил чайник на огонь и достал две расписные чашки из кухонного шкафа. По тому, как нервно он гремел в шкафу, Ван-Ин догадался: что-то было не так.

– А чай подойдет? – немного погодя спросил Вермаст несколько смущенно. Он показал пустую банку с коричневым от остатков кофе дном.

– Только если он жидкий, – солгал Ван-Ин. Он посмотрел на запас сахара на столе. С тремя кусочками можно вылакать любую бурду.

– Вы уже давно здесь живете, господин Вермаст?

– Три месяца, комиссар. Как видите, здесь еще полно работы. Но вы же знаете, как это бывает. – Ван-Ин совсем не знал, как это бывает, но мудро решил промолчать.

Из-за рычания дизеля недавно замененные стекла (на них были еще наклеены этикетки) страшно затряслись. Ван-Ин посмотрел в окно. Он увидел, что решетчатые ворота открываются. Лен осторожно въехала во двор. Она припарковала свою старую «вольво» между двумя кучами песка. Тине распахнула дверцу с такой силой, выдержать которую может только «старый швед»⁸.

– Резвая девочка, – заметил Ван-Ин. – Она всегда такая энергичная?

Несмотря на то что он вовсе не имел в виду комплимент, Вермаст заметно оживился.

– Жена считает, что Тине заслуживает специализированного образования. Жаль, что поблизости нет школы для одаренных детей. Ее коэффициент интеллекта выше ста тридцати. Это создает проблемы, а когда ты становишься старше, сталкиваешься с непониманием, особенно со стороны учителей.

Ван-Ин закрыл от ужаса глаза. Дети. «Иисусе! Мальчик почти аутист, и значит, девочка-неврастеник сразу стала считаться вундеркиндом».

Вермаст достал из шкафа третью чашку и налил в чашки чай. Жидкость воняла грязным бельем. Ван-Ин мог бы это предвидеть, но было уже слишком поздно.

Лен открыла кухонную дверь ногой. Она с трудом втащила несколько коричневых пакетов из местного супермаркета и поставила их на разделочный стол.

– Привет, дорогой. Здравствуйте, комиссар.

На Лен было мини-платье без рукавов. Она со вздохом плюхнулась на стул, отчего ее платье задралось еще больше. Большинство женщин в таком случае целомудренно скрещивают ноги, но она не потрудилась скрыть от взгляда комиссара свои белоснежные трусики. Ван-Ин был уверен, что она отлично понимает, что делает. Он отвел взгляд. Ее груди были расположены далеко друг от друга, и этот вид нравился ему больше.

– Мама, я хочу морковный сок, – заныла Тине.

Вермаст глупо засмеялся. Ван-Ин на его месте вlepил бы этой гадине затрещину.

– Мама, я хочу морковный сок. Ты мне утром обещала. – Девочка упрямо билась о плечо Лен головой.

⁸ Имеется в виду «вольво» – автомобиль шведского производства. (Примеч. ред.)

– Сейчас, милая. Мама сначала выпьет чашку чая.

– Мама-а-а. Ты обеща-а-ала, – топала девочка ногами.

Ее резкий визг пронизывал до мозга костей. Ван-Ин стиснул зубы. Раньше он тоже так делал, когда кто-нибудь задевал ногтем по школьной доске. Лен давала дочери прокричаться. Она спокойно пила чай и время от времени улыбалась Ван-Ину. Тогда девочка яростно взялась за отца.

– Капитальный ремонт дома требует наверняка немало сил, – не к месту заметил Ван-Ин. Он не собирался поднимать эту тему, но обстоятельства его вынудили. Тине ни на секунду не оставляла папу в покое. Она безостановочно пыталась обратить на себя его внимание. Разговор о доме, как казалось Ван-Ину, был для него единственным способом возобновить общение с Вермастом.

– Совершенно верно, комиссар. Перед тем как мы сюда переехали, я восемь месяцев днями и ночами крутился как белка в колесе. То, что тогда здесь было, больше походило на хлев, чем на загородный дом.

Вермаст оттолкнул от себя дочь и сел за стол. Лен допила чай и нехотя пошла к разделочному столу. Она достала из шкафа кухонный комбайн, разорвала один из коричневых пакетов и вытащила из него пучок моркови. Тине уцепилась за маму мертвой хваткой.

– Если вам интересно, я могу показать несколько фотографий того, что здесь было раньше.

Ван-Ин кивнул без особого энтузиазма. Он понимал, что рискует попасть из огня да в полымя.

– Пойдемте в гостиную. Там спокойнее, – восторженно предложил Вермаст.

Ван-Ину эта идея пришлась по душе. Он искренне надеялся, что девочка останется с мамой.

Как только они вошли в гостиную, загрохотал кухонный комбайн. К счастью, Вермаст закрыл дверь, что уменьшило шум минимум на сорок децибел. Он предложил Ван-Ину сесть на диван в стиле кантри, обивка которого, как и у остальной мебели, пребывала в плачевном состоянии. Дочери, вероятно, позволялось вымещать свое недовольство на всем, что попадалось ей на пути.

Пока хозяин дома искал фотографии в полуантикварном бельеовом шкафу, Ван-Ин оценивал биотоп⁹ семейства Вермаст. Наверное, за эту ветхую мебель они отдали ловкому антиквару целое состояние. Шкафы, все в трещинах и царапинах, были покрыты пятнами щелочи. Неумелая попытка замаскировать этот недостаток толстыми слоями мастики закончилась плачевно. Любой ящик из-под апельсинов принес бы на аукционе больше прибыли, чем эта мебель. Внутреннее состояние дома было и вовсе ужасным. В отчаянном стремлении приблизиться к аутентичному характеру настоящего загородного дома Вермаст попытался очистить гнилые балки потолка. Без защитного слоя краски они были теперь похожи на куски засохшей коврижки. Можно было назвать чудом то, что дом все еще стоит. Вид дощатого пола не поддавался описанию, ходы причудливой формы указывали на упорные старания колонии древесных жуков сожрать его до основания.

Все вещи были, совершенно очевидно, с различных барахолок. Тарелки из имитации олова, ржавый набор кованых каминных принадлежностей, люстра в форме колеса телеги и разный садовый инвентарь на стенах – все это должно было создавать деревенскую атмосферу. Но больше всего Ван-Ина раздражали до неузнаваемости искалеченные игрушки, которые валялись повсюду. Явное доказательство того, что в этом доме разрешалось все.

– Наконец-то, – простонал Вермаст. Он за это время перерыл полшкафа. – Вот они.

⁹ *Биотоп* – участок среды обитания растительных и животных организмов, характеризующейся однородными условиями существования. (Примеч. ред.)

Вермаст метнулся к комиссару с пыльной коробкой. Он положил ее между ними на диван и снял крышку. Коробка была набита в основном семейными любительскими снимками.

– Эти с прошлого года. – Вермаст сунул ему стопку блеклых поляроидных фото.

Ван-Ин внимательно их рассматривал. То, что речь шла об одной и той же территории, можно было догадаться по изгороди из боярышника и голому вязу. Вермаст не преувеличивал. Первоначальная постройка была не чем иным, как хибарой.

– Невероятно, господин Вермаст. Вы здесь совершили почти чудо.

Вермаст улыбнулся, как велогонщик-любитель, который только что выиграл свой первый велопробег. Compliment польстил его самолюбию. Он направился к старомодному буфету, где за стопкой старых газет он хранил бутылку коньяка.

– Зять Лен хорошо знаком с риелтором, который и рассказал нам об этом варианте. Он также похлопотал обо всех разрешениях.

Ван-Ин поднял брови.

– Дом станет в три раза больше, чем прежде. – Вермаст заговорщически засмеялся. – Это земельное угодье, понимаете?

Ван-Ин не понимал. Вермаст украдкой взглянул на кухонную дверь, тайком налил две рюмки и поспешил спрятать бутылку в буфет.

– Согласно букве закона, мы можем расширять площадь застройки не более чем на тридцать процентов, – алчно произнес Вермаст. Он осушил рюмку коньяка одним залпом. – Но в такой компании не надо объяснять, как работает закон. Не так ли, комиссар?

Ван-Ин осторожно отхлебнул коньяк и был вынужден признать, что вкус оказался отменным.

– С деньгами, которые мы сэкономили на покупке дома, мы можем нет-нет да и позволить себе лишнее. В прошлом месяце мне удалось раздобыть партию бургундской плитки. Недешево, но великолепно подходит для гостиной. Еще коньяка?

Ван-Ин допил рюмку. После жестокого трехмесячного воздержания от алкоголя ему не стоило этого делать. Крепкий спиртной напиток горел в его желудке, но он посчитал это недостаточной причиной, чтобы отказываться от предложения.

– Еще рюмочку. – Это было сильнее его.

Вермаст подкрался к буфету, как непослушный школьник, и снова наполнил рюмки.

– Пульт для ворот кажется мне тоже удобной штучкой, – вскользь отметил Ван-Ин.

На кухне шум кухонного комбайна внезапно прекратился. Лен, должно быть, отжала несколько литров морковного сока.

– О нет, комиссар. На гаджеты я свои деньги не трачу. Пульт установил предыдущий хозяин.

– Наверняка современный фермер?

Вермаст покачал головой. Он быстро допил коньяк и умоляюще посмотрел на Ван-Ина. Тот вынужденно последовал примеру хозяина дома. Вермаст мигом схватил рюмки и немытыми поставил их в буфет.

– Раньше дом был собственностью некоммерческой организации. – Теперь, когда рюмки опять спокойно стояли в буфете, Вермаст снова почувствовал себя в своей тарелке. – Лен знает лучше. Я знаю только то, что это было как-то связано с благотворительностью.

В этот момент в гостиную влетела Тине. В руке она держала большой стакан морковного сока.

– Смотрите, что мама мне сделала! – кричала она торжествующе.

Девочка с криками бросилась на диван и пролила треть своего сока на свежестиранные джинсы Ван-Ина.

– Тине! – Вермаст сделал легкий выговор. Он подпрыгнул и чисто символически шлепнул ее.

Пигалица сразу же принялась истерично рыдать. На этот звук немедленно примчалась Лен.

– Что здесь снова случилось?

Вермаст объяснил ей, что произошло. Он знал, как отреагирует жена. Она утешила Тине и только потом вышла и затем вернулась с полотенцем.

– Не переживайте, комиссар. Морковный сок почти не оставляет пятен.

Лен присела на колени и начала бесцеремонно оттирать ему джинсы. Неприятным это назвать было нельзя. Она сидела в таком положении, что он не мог не заметить: на ней нет бюстгалтера. К счастью, Ханнелоре не было рядом.

– Некоммерческая организация «Собственная помощь» заботится о судьбе нуждающихся людей. Я даже думаю, что Бенедикт является членом совета правления.

– Бенедикт?

– Бенедикт Верворт – риелтор, у которого мы купили дом.

Лен упорно продолжала оттирать сок с джинсов Ван-Ина. То, что ей пришлось тереть их и в области паха, ее, очевидно, не беспокоило.

– Я даже помню, что раньше здесь организовывали лагерь для молодежных движений.

Лен с таким усердием оттирала морковный сок, что Ван-Ину было все труднее сдерживать возбуждение.

– Вы знаете, почему НКО продала этот загородный дом?

– По словам Бенедикта, они купили здание побольше. За прошедшие годы организация порядочно увеличилась, и им срочно потребовалось больше места.

Увеличилась! Ван-Ин не мог об этом и думать.

– Я думаю, что сойдет и так, госпожа Вермаст. – Он изо всех сил старался не застонать.

– Вы уверены? – обеспокоенно спросила она.

Ван-Ин посмотрел на Вермаста и подумал, что бы произошло, если бы ее мужа здесь не было.

Глава 3

Бенедикт Верворт руководил скромным агентством недвижимости в центре Ваардама. Над дверью и витриной висела световая реклама шириной с фасад. Ван-Ин прочитал надпись: «Административный офис ВерВорт». Заглавная буква «в» в середине названия уже говорила кое-что о владельце филиала.

Несмотря на то что на улице совсем не было машин, Ван-Ин припарковал свой «фольксваген-гольф» на офисной парковке, которая, согласно надписи на табличке, была зарезервирована исключительно для клиентов.

Офис располагался в доме родителей Бенедикта Верворта. Гостиную переделали в приемную – слишком громкое название для обнесенной решеткой конуры, в которой никто не сидел. Но тем не менее это была многофункциональная компания. Недвижимость – это лишь часть пакета услуг. Сюда мог обратиться среднестатистический фермер с наличными и ценными бумагами. Эту информацию Ван-Ин получил в различных написанных от руки плакатах, которые украшали офис.

Его встретила пожилая женщина – младший сотрудник, вылитая Одри Хепберн, только без макияжа.

– Господин Бенедикт вас ожидает, – объявила она официально, когда Ван-Ин представился. – Присаживайтесь.

Вдали пел петух. Ван-Ину не пригрезилось. Это была сельская местность на территории Западной Фландрии, где в обычных домах зарабатывались целые состояния и где у дверей стояли забрызганные грязью «мерседесы», являющие собой единственный видимый признак роскоши. Бенедикт Верворт даже не посчитал нужным заменить выцветшие обои в цветочек. Там, где раньше стояла печь, работающая на угле, сейчас в каминной полке зияла закопченная дыра – безмолвный свидетель прошлых лишений. Самый стойкий налоговый инспектор гарантированно поддастся на такой спектакль.

– Доброе утро, комиссар. – Бенедикт Верворт подошел к Ван-Ину, гостеприимно расставив руки. На нем был броский костюм, светло-желтая рубашка и травянисто-зеленый галстук. Даже на Сицилии большинство мафиози носят менее кричащие наряды.

Ван-Ин пожал ему руку. Толстые, обвитые кольцами пальцы молодого бизнесмена были влажными. Лосьон после бритья, которым он щедро побрызгался, вонял как «туалетный утенок» – запах, который Ван-Ин с трудом выносил.

– Приятно познакомиться, комиссар, – сказал Бенедикт на культурном западнофламандском. – Чем могу вам помочь?

Бенедикт сел в кресло руководителя из искусственной кожи. Казалось, что его голова состояла только из розовых губ и рыхлых щек. Ван-Ину было сложно скрыть свое отвращение.

– Вы ведь господин Верворт? – спросил он снисходительно.

– Собственной персоной, – довольно засмеялся желто-зеленый арлекин.

– Не возражаете, если я закурю? – Ван-Ин выудил сигарету из нагрудного кармана.

Бенедикт отрицательно замахал рукой. «Черт возьми!» – возмутился про себя Ван-Ин.

– Разрешите мне предложить вам сигару, комиссар. – С этими словами Верворт достал из выдвижного ящика плоскую коробку гаванских сигар. – Это еще моего покойного отца.

Ван-Ин вынужден был принять предложение. Сигара шуршала, как только что развернутый лист папируса.

– Вы не родственник Алоиса Верворта?

Кажется, этот вопрос Бенедикту понравился.

– Алоис – мой отец, – произнес он с нескрываемой гордостью.

– Правда?

В пятидесятых годах велогонщик Алоис Верворт был кумиром Фландрии. Он дважды занимал третье место на велогонке «Париж-Рубэ», а в 1956 году энергичный житель Ваардама выиграл этап в «Тур де Франс».

– Горе было тому, кто смел шуметь в воскресенье днем, когда транслировали велогонку, – заметил Ван-Ин.

Бенедикт засмеялся, как американский кандидат на пост президента в напряженной предвыборной гонке.

– Смейтесь. Из-за вашего отца мне частенько влетало.

– Приятно, что вы это помните, комиссар. – Статус отца озарял его, как заходящее солнце гору Фудзи. В Верворте было также что-то восточное. Он удивительно походил на изображение Будды.

– На самом деле я пришел по поводу семьи Вермаст и их собственности на Бремвегеле.

Верворт разъединил руки и прижал их к лицу по обе стороны носа, словно глубоко задумался.

– Что-то не так?

То, как Верворт задал этот вопрос, выразило его беспокойство и любопытство одновременно.

– Вы же читаете газеты, я надеюсь?

– Вы же не имеете в виду...

– Как раз это я и имею в виду, господин Верворт.

– Я не имею к этому никакого отношения, – решительно заявил риелтор.

– К чему?

Резкий тон Ван-Ина вывел Верворта из оборонительной позиции.

– К убийству, разумеется.

– К убийству?

– Ну... Я имею в виду... Там же нашли труп.

– Скелет, – поправил Ван-Ин.

– Скелет. Конечно, комиссар. Так было написано в газете, верно?

Ван-Ин посмотрел Верворту прямо в глаза. Деревенский риелтор не дал себя ошарашить. Он закинул руки за голову и откинулся в своем помпезном кресле.

– Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Теперь была очередь Ван-Ина смотреть удивленно. Верворт умело воспользовался этой возможностью, чтобы перехватить инициативу.

– Жизнь – это цепь непредвиденных событий, комиссар. Если бы вы обнаружили скелет перед продажей, я бы сейчас сидел с обесцененным товаром. Ведь никто не купит дом с могилой в саду.

Ван-Ин затянулся сухой сигарой, пытаясь сдержаться, чтобы не состроить брезгливую мину. Сигара пахла гнилым деревом и собачьим дерьмом.

– Господин Вермаст рассказал мне, что загородный дом принадлежал некоммерческой организации «Собственная помощь».

Ван-Ин положил сигару в пепельницу в надежде, что она выкурится самостоятельно.

– Это не совсем верно, комиссар. Загородный дом был собственностью наших благотворителей. Некоммерческая организация могла им свободно распоряжаться.

– Вы не могли бы рассказать мне об этом побольше?

– То есть упомянутую организацию вы не знаете?

Ван-Ин помотал головой:

– А должен?

Верворт взглянул на Ван-Ина с видом студента, который только что посетил свой первый урок психоанализа. Комиссар показался ему вполне безобидным.

– Некоммерческая организация была основана в 1986 году горсткой идеалистов с целью улучшить качество жизни менее обеспеченных сограждан.

Ван-Ин готов был голову дать на отсечение, что эту пустую фразу Верворт дословно процитировал из брошюры НКО.

– Если я правильно понимаю, организация занимается благотворительностью. Отсюда, вероятно, и ее название.

«Собственная помощь» звучала так же отвратительно, как выглядел дерьмовый «тормозной след» на трусах Девинтера¹⁰.

Верворт не позволил умеренному сарказму Ван-Ина сбить себя с толку.

– С давних пор «Собственная помощь» собирает фонды для борьбы с бедностью в своей стране, – продолжал он невозмутимо. – Организация предлагает финансовую помощь людям, которые не могут выжить на те крохи, что им подсовывает общество всеобщего благосостояния.

Верворт начинал артикулировать все более выразительно. Его мясистый подбородок поднимался и опускался, как вибрирующий пудинг.

– Мы заботимся о стипендиях, предоставлении жилья, отпусках, дешевых займах, юридической помощи...

– Мы? – нагло прервал его Ван-Ин.

– Да, мы, – рьяно отреагировал Верворт. – Дело в том, что я казначей нашей организации. Вас это удивляет?

Что Ван-Ин должен был на это ответить? Что ему легче представить, как мать Тереза раздевается для «Плейбоя», чем как Верворт сует какому-нибудь бедняге двадцать франков?

– Вовсе нет, господин Верворт. Если я хорошо помню уроки религии, Иисус питал слабость к блудницам и фарисеям.

С одной стороны, Ван-Ин сам испугался своей импульсивной реакции. С другой – подобного рода высказывания иногда приносят удивительные результаты. Он моментально увидел, как глаза Верворта стали узкими, как щелочки.

– Христианская любовь к ближнему очень дорога нашей организации, комиссар. Возможно, это не кажется очевидным, в то время как процветают эгоизм и корыстолюбие. Но я приглашаю вас поближе познакомиться с нашей работой. Двери «Помощи» для вас всегда открыты.

Верворт сделал паузу с вдохновением африканского президента, который только что произнес речь на пленарном заседании Организации Объединенных Наций.

– «Помощь» – это наша самая престижная реализованная задумка, – продолжал он с новой энергией. – Загородный дом дает крышу над головой двадцати одиноким людям и десяти семьям. Весь проект на самофинансировании. Мы производим собственные продукты питания и за счет продажи овощей и фруктов удовлетворяем остальные потребности.

– То есть, чтобы финансировать этот проект, вы продали загородный дом, – констатировал Ван-Ин. Он погасил наполовину выкуренную сигару. Это была самая нелепая чушь, которую ему приходилось слышать. Казалось, что Бенедикт угадал его мысли.

– Если дорогие благотворительные организации хвастаются своими благотворительными достижениями, простой народ это принимает. Несколько раз в год они организуют безвкусный дорогой банкет, позволяют членам их организации платить за это бешеные деньги и потом отдают десять процентов прибыли на благое дело. Они таким способом привлекают внимание прессы. Наша НКО в гласности не нуждается. Все фонды используются напрямую, чтобы помочь неимущим обрести лучшее будущее.

¹⁰ *Девинтер* Филипп (род. 11 сентября 1962 г.) – фламандский политик, один из ведущих членов правой фламандской националистической партии «Фламандский интерес».

– Это благородная цель, – вяло одобрил Ван-Ин.

Напыщенная речь западнофламандского самаритянина уже встала ему поперек горла.

– Когда закончится это расследование, я непременно посетю «Помощь». Но сейчас мне надо идти. Мне еще предстоит тяжелый день.

Верворт проводил Ван-Ина до входной двери. Они пожали друг другу руки.

– Кстати, господин Верворт. Загородный дом Вермастов оборудован решетчатыми воротами с пультом дистанционного управления. Это НКО тогда установила?

– Он уже там был, комиссар. Вероятно, предыдущий владелец знает об этом больше.

– Верно, – кивнул Ван-Ин. – А вы, случайно, не знаете имени того предыдущего владельца?

– Это важно?

– В расследовании убийства важно все, господин Верворт.

Возможно, в тот момент риелтор почувствовал себя припертым к стенке. В любом случае он этого не показал.

– Должен вам признаться, комиссар, что загородный дом был предоставлен нам в распоряжение благотворителем, который предпочитает оставаться анонимным.

В вежливой беседе подобный ответ чаще всего считается достаточным для того, чтобы спрашивающий не углублялся в тему. Ван-Ин меньше всего считал этот разговор вежливой беседой.

– Послушайте меня внимательно, господин Верворт. Вы как риелтор должны знать, что такого рода сделки всегда регистрируются. Я установлю личность вашего анонимного благотворителя, для меня это всего лишь вопрос времени. Выбор за вами.

Верворт проглотил свое раздражение и снова вернулся к приторной манере беседы. Он допустил ошибку, и ее необходимо было срочно исправить.

– Прошу прощения, комиссар. Я не осознал, что эта информация может быть важной для расследования. Я надеюсь, вы понимаете, что мы очень тактичны, если речь идет о наших спонсорах. Большинство из них предпочитают оставаться неизвестными. Поэтому...

– Имя, господин Верворт.

– Вы знаете Лодевейк Вандале?

Ван-Ин кивнул. Лодевейк Вандале был собственником крупнейших компаний-подрядчиков в Западной Фландрии.

– То есть Лодевейк Вандале.

– Да, комиссар. Но я умоляю вас использовать эту информацию только в том случае, если она необходима для расследования. Господин Вандале терпеть не может отрицательную гласность, а наша НКО ему очень многим обязана.

– Я постараюсь, – пообещал Ван-Ин. Он взглянул на свои часы. – Но сейчас я действительно должен идти. До свидания, господин Верворт.

Ван-Ин пошел на парковку. Не было ни единой машины, которая бы составила «фольксвагену-гольф» компанию. Только теперь Ван-Ин осознал, что за все прошедшее время Верворта не посетил ни один клиент.

* * *

Линда Артс лежала на узкой односпальной кровати и храпела. Рядом с ней стояла пустая бутылка «Эликсира д'Анвер». В пепельнице тлела сигарета «Мальборо». Длинный пятисантиметровый кусок пепла, как окаменевший, крепко держался за фильтр. В комнате воняло кислым потом, дешевым дезодорантом и нестираной одеждой. Царил такой беспорядок, которому позавидовал бы не один подросток. К счастью, шторы были задернуты. В сумерках горы гряз-

ного нижнего белья походили на пушистые клумбы, а тарелки с тухлой едой – на произведение искусства Йозефа Бойса¹¹.

На Линде была атласная ночная рубашка. Гладкая ткань беспощадно подчеркивала каждую жировую складку на ее талии, обвисшая грудь колыхалась в такт ее тяжелому дыханию.

Телефон звонил уже больше часа с промежутками в десять минут. Линде снилась похоронная процессия. Катафалк – черный «шевроле» с хромированными бамперами – двигался, разрезая кричащую толпу, как допотопный бэтмобиль. Линда ехала верхом на белом жеребце. Народ толпился за железными ограждениями. Каждый пытался ее увидеть, хотя бы мельком. Люди скандировали лозунги. Линда узнала десятки друзей юности. Она торжественно ехала с высоко поднятой головой вслед за «шевроле» и наслаждалась всей этой шумихой.

В катафалке стоял стеклянный гроб. Крышка утопала в корявых ветках сирени. Вилльям лежал на плюшевом матрасе. Его голова покоилась на расшитой подушке с кисточками по углам. Он дышал, но толпа не обращала на это внимания. Никто не видел серебряных наручников, которыми он был прикован к гробу. Кроме того, вокруг его шеи, груди, бедер и ног были еще холщовые ленты, которые намертво прижимали его к днищу гроба. Его глаза бегали. От смертельного страха у него на лбу выступили капли пота.

– Какая женщина! – услышала Линда восхищенный мужской голос.

– Приходи сегодня вечером ко мне! – сладострастно пропел другой поклонник.

Похоронная процессия приближалась к центру города. Площадь перед банком была забита людьми. Когда Линда отпустила вожжи, толпа уважительно расступилась. Она проехала мимо банка и посмотрела в сторону. В здании – клетке из стали и зеркального стекла – она увидела свое отражение. Оказывается, она была голая. Собравшиеся затянули непристойную песню. Внезапно перед лошадью выпрыгнул шут. Он уцепился за вожжи и стал жадно хватать Линду за бедра. Бубенчики на его шутовском колпаке заглушали шум. Линда пыталась отбиться от карлика. Она прищипорила лошадь. Белый жеребец задрожал и понесся. Линда упала на брусчатку. И тут увидела перед собой ухмыляющуюся рожу Вилльяма. Он хотел надеть на нее наручники. Линда закричала и проснулась на полу, рядом с кроватью. Телефон звонил не переставая.

– Алло. – Ее голос дрожал.

– Вилльям дома?

– Его нет. С кем я разговариваю? – спросила она сонно.

Провост невнятно выругался и разъединился.

Главный инспектор полиции Дирк Барт положил трубку.

– Есть успехи? – спросил он у Версавела.

Инспектор как раз закончил расспрашивать тридцать седьмого зубного врача.

– Мы им, очевидно, нужны как собаке пятая нога. Всегда одно и то же. Или же господа страдают потерей памяти и просят перезвонить завтра, или сообщают по автоответчику, что они в отпуске. Неудивительно, что ремонт коронки стоит половину недельной зарплаты. Раньше за эту цену тебе в пасть могли вставить слиток золота.

Версавел, должно быть, синел от злости, раз у него вырвалось слово «пасть», но причиной его плохого настроения были не только зубные врачи. Его выводило из себя нытье Барта.

– У меня на линии только что был стоматолог. Его зовут Жойе, – сообщил Барт. Он терпеливо ждал реакции. Версавел знал, что если он будет молчать, то Барт снова скажет: «Знаешь, у меня на линии только что был стоматолог. Его зовут Жойе»¹².

– И? – тускло спросил Версавел.

¹¹ Бойс Йозеф (1921–1986) – немецкий художник, один из главных теоретиков постмодернизма. (Примеч. ред.)

¹² «Веселый, счастливый» (фр.).

– Мужчина пришел в бешенство. В 1985 году он еще учился. Нам стоит такие моменты предварительно проверять.

Версавел взглянул на свои часы:

– Я предлагаю выпить по чашке кофе. Так мы далеко не уйдем.

Версавел включил кофеварку и сел за свой стол. Барт подвинул свой стул поближе. Работу в уголовном розыске он представлял себе несколько иначе.

– Интересно, есть ли у Ван-Ина какой-нибудь прогресс?

Первые горячие капли воды плюхнулись в фильтр.

– Он действительно так хорош?

Барт задал этот вопрос тоном, в котором звучало нечто среднее между сомнением и удивлением.

– Ван-Ин – лучший, – решительно ответил Версавел. У него не было никакого желания входить в клинч с главным инспектором полиции. Это объяснялось тем, что у Барта была дурная репутация. Везде, где бы он ни появлялся, пытался посеять раздор. Некоторые коллеги были даже уверены, что у него «не все дома». Тишину нарушал лишь звук капающего кофе.

– Тем не менее я слышал, – прошептал Барт с фальшивой улыбочкой, – что...

– Меня ни черта не интересует, что вы слышали.

Барт испугался реакции своего подчиненного. Его ноздри начали раздуваться. Ему стоило бы прочитать этому Версавелу нотацию.

– Легко на помине, – облегченно вздохнул Версавел, когда Ван-Ин вошел в кабинет 204.

– Удачно съездил?

Ван-Ин тайком запихнул в рот конфетку «Шокотофф». Он почти умирал с голоду. Пока Версавел подавал кофе, Ван-Ин докладывал. Барт жадно слушал.

– Думаю, я допрошу этого Вандале. Это, конечно, может оказаться совпадением, но, по словам судмедэксперта, Герберт был убит между 1985 и 1986 годами.

– А Вандале подарил НКО загородный дом в 1986 году, – добавил Версавел на автомате. Преимущество долгих лет интенсивной работы с кем-либо заключается в том, что через некоторое время вы можете читать мысли друг друга.

– Что-то в этом роде, Гвидо. И это не дает мне покоя.

Версавел осторожно помешивал кофе. Фамилия «Вандале» переносила его назад в тот период времени, о котором он сохранил невероятно добрые воспоминания.

– Может быть, Джонатан сможет нам помочь.

«Какой еще к черту Джонатан?» – хотел спросить Ван-Ин.

– Если я не ошибаюсь, Джонатан до 1989 года работал на Вандале. Он долгие годы занимался его бухгалтерией.

– Один из твоих дружков?

– Очень давний, – ответил Версавел, и его глаза хитро блеснули. – Я позвоню ему?

– Бедный Гвидо. Ты пойдешь на все ради службы королю и отечеству.

Барт дважды бросил взгляд на Ван-Ина, как пигмей, который видит Атомиум¹³ в первый раз.

– Тогда договорились, – просиял Версавел. – Я ему сейчас же позвоню.

Каждый вторник Ван-Ин и Ханнелоре ходили вечером в ресторан «Хеер Халевэйн» на Валплеин-сквер. Диета диетой, а этот вечер оставался бастионом, который невозможно было

¹³ Атомиум – одна из главных достопримечательностей и символ Брюсселя. Сооружение состоит из девяти атомов, которые объединены в кубический фрагмент кристаллической решетки железа, увеличенный в 165 миллиардов раз.

сдать. Ханнелоре была помешана на жареных стейках, которые там подавали, а у Ван-Ина появился уважительный предлог, чтобы безнаказанно распить бутылку медака¹⁴.

Маленькая идиллическая площадь – по словам знатоков, одно из самых романтических мест в Брюгге – оживленно гудела. Официанты в длинных фартуках профессионально исполняли свои номера. Туристы одобрительно кивали. Ведь иностранцы чувствовали себя в Брюгге как дома. Здесь выполняются все их прихоти. Даже когда они привередничают, неутомимые официанты принимают заказы на языке их страны. И если уж когда-то у них вылетает ругательство на местном диалекте, посетители добродушно над ними посмеиваются. Это необходимо для местного колорита, чтобы можно было почувствовать себя путешественником по чужим краям.

Маленькая терраса ресторана «Хеер Халевэйн» была битком набита. В отличие от других баров и ресторанов на площади в этом месте говорили преимущественно на диалекте Брюгге. Здесь не было хлещущих пиво немцев, болтающих без умолку французов, бороздящих Евро-тоннель англичан, невоспитанных американцев или мчащихся на запах пищи голландцев.

Сюзанне вышла поприветствовать их лично. Ван-Ин знал хозяйку ресторана уже много лет. Она чмокнула его в щеку. Раньше их поцелуи были другими. На их с Ханнелоре любимом столике красовалась табличка. На ней значилось: «Зарезервировано».

– Дополнительную порцию маринованных корнишонов, я полагаю, – сказала Сюзанне, подмигнув.

Ханнелоре удовлетворенно кивнула. Ван-Ин галантным жестом отодвинул для нее стул. Она села и расправила платье.

– Ты выглядишь как восемнадцатилетняя девочка, – заметила Сюзанне.

– Сью, не преувеличивай.

– Я не преувеличиваю. – Она говорила это всерьез. Ханнелоре действительно выглядела так, что дух захватывало. Платье скрывало тело, за которое Пифиада¹⁵ пошла бы на убийство. Хотя казалось, что Ханнелоре искренне преуменьшила комплимент, но он точно не оставил ее равнодушной.

– Иди сюда. Потрогай. Он только и делает, что толкается ножками.

Она пригладила платье. Сюзанне нагнулась и положила руку на живот Ханнелоре. Ван-Ин сидел рядом и смотрел.

– Это надо действительно почувствовать, чтобы поверить, – радостно провозгласила Сюзанне.

Ван-Ин выпрямился и надул живот:

– А что ты думаешь о моем?

Сюзанне повернулась. По веселым морщинкам в уголках ее глаз он понял, что у нее заготовлена острая реплика.

– Восемь месяцев. Или я ошибаюсь?

– И все же мой бедняга очень старается. Скоро он будет весить меньше, чем я. – По тону Ханнелоре было невозможно понять, шутит она или нет.

– К счастью, в твоем случае это явление временное. Он же от своих излишков не может избавиться уже двадцать лет, – ухмыльнулась Сюзанне.

Все на террасе, кто прислушивался к их разговору, рассмеялись. Ван-Ин смотрел на обеих женщин с видом нашкодившего щенка. Ханнелоре утешительно его обняла и звонко поцеловала. Многие мужчины с удовольствием отрубили бы себе мизинец, лишь бы оказаться на его месте.

¹⁴ Медок – сорт красного бордосского вина.

¹⁵ Пифиада – первая жена Аристотеля.

Жареный стейк, весом триста пятьдесят граммов и толщиной в три сантиметра, был горячий, сочный и мягкий, словно сливочное масло. Ван-Ин с аппетитом уплетал запеченный картофель. С наслаждением он макал кусочек картошки в растопленное сливочное масло, потом все запивал бокалом «Шато Корконак» 1989 года. Ханнелоре жадно поглощала маринованные корнишоны и салат, заправленный кислым майонезом. От куска мяса в ее тарелке оставался еще маленький кусочек.

– Итак, есть вести с фронта? – Она подвинула Ван-Ину остаток своего стейка – угощение, которое он с жадностью принял.

– Не много. Пока мы не установим личность Герберта, это будет все равно что бродить в потемках. Зато сегодня утром я убедился, что наш земной шар полон спиногрызов. Одного из них зовут Тине. – Ван-Ин рассказал ей о визите в семью Вермаст.

– Хорошо, мы вычеркиваем это имя из нашего списка. Если будет девочка, назовем ее Годеливе. Доволен?

Из чистого разочарования Ван-Ин налил себе еще один бокал вина.

– А вот специалисты утверждают, что по прошествии времени дети становятся похожими на своих родителей, – подтрунивала она над ним.

– В таком случае я надеюсь, что он или она будет похож на тебя. Представь, что...

– Перестань, Питер Ван-Ин. Я пошутила. Ты вовсе не самый плохой вариант. Те же специалисты так же активно провозглашают, что отцы большинства гениев при зачатии были старше сорока лет. Если ты мне не веришь, посмотри потом в энциклопедии.

– Я это уже сделал, – признался Ван-Ин, надувшись. – Герр Гитлер тоже уже был не молод, когда родился Адольф.

– Опять мы туда же, – вздохнула она. – Закури побыстрее сигарету, тогда я по крайней мере на десять минут буду избавлена от твоего нытья.

Ван-Ин не заставил ее повторять дважды.

– Я бы на самом деле хотела знать, есть ли уже какие-нибудь новости о нашем скелете. «Нашем» прозвучало жутковато.

– Я думал, что расследование ведет прокуратура, – промямлил он.

Ханнелоре широко улыбнулась. Она толкнула его ногой. Ван-Ин отреагировал не сразу.

– Ай, черт возьми. – Его рука исчезла под столом. С якобы перекошенным от боли лицом он массировал пострадавшую голень.

Сюзанне, наблюдавшая за этой сценой, посчитала этот момент идеальным для того, чтобы подать шоколадный мусс.

– Сделали больно? – усмехнулась она.

Ван-Ин молча накинулся на десерт. Только после того, как слизнул с ложки последнюю тягучую каплю шоколадного мусса, он продолжил разговор. Он рассказал Ханнелоре, что обнаружил в загородном доме Вермастов. Ван-Ин был талантливым сыщиком, он раскрыл уже не одно громкое преступление. Чаще всего он приступал к делу неортодоксально. Согласно его философии, каждый капиталист был настоящим или потенциальным убийцей. Ван-Ин приходил в экстаз, если ему удавалось пригвоздить к позорному столбу всеми уважаемого гражданина, и иногда забывал, что нужны неопровержимые улики для того, чтобы осудить подозреваемого. В современной борьбе с преступностью интуиция была так же бесполезна, как десять миллионов марок после Второй мировой войны.

– Только слабоумный продаст свою собственность, если знает, что там зарыто тело. А Ванда не слабоумный.

Ханнелоре отодвинула свой десерт в сторону. Ван-Ин жадно посмотрел на шоколадный мусс.

– Никто мне не мешает как следует допросить Вандале. Даже если он не имеет никакого отношения к Герберту. Мне любопытно, почему он непременно хочет строить из себя рьяного благотворителя.

Ханнелоре сознательно отказалась от обсуждения нормального судопроизводства Бельгии.

– Мы все еще живем в свободной стране, Питер. – Она взяла свою ложечку и беспечно отъела немного шоколадного мусса.

– Да, да. Тогда объясни-ка мне, почему Вандале оборудовал свои владения дорогими решетчатыми воротами с дистанционным управлением. Черт, эта штука стоит гораздо дороже, чем весь козий хлев, который Вермаст сейчас сносит.

– Я задаюсь вопросом, какую ты видишь связь между решетчатыми воротами и убийством. – Ханнелоре подвинула шоколадный мусс на его сторону стола. – Хочешь ложечку?

Ван-Ин, не медля ни секунды, зачерпнул полную ложку. Такой пир был возможен всего лишь один раз в неделю, во вторник вечером.

– Я не верю в совпадения, Ханне. Я хочу знать, почему в 1986 году Вандале предоставил свой загородный дом в узуфрукт¹⁶ сомнительной НКО.

Лодевейк Вандале поприветствовал Ива Провоста слабой улыбкой. Провост выглядел изможденным. За последние двадцать четыре часа он почти не спал.

– Я беспокоюсь, Лодевейк. Нам никогда не следовало доверять Артсу.

Вандале затянулся своей дорогой сигарой. Его лицо не выражало никаких эмоций. Из-за дыма «Давидофф» его маленькие мутные глаза моргали через равные промежутки времени.

– Расслабься, Ив. У каждой проблемы есть решение.

Вандале проводил Провоста в гостиную. Оба мужчины устроились у окна. На улице было еще изрядно тепло, но лучи заходящего солнца цвета охры обещали раннюю осень.

– Артс сбежал, Лодевейк. Я задаюсь вопросом почему. – Вандале подал Провосту рюмку спиртного. Сам он довольствовался стаканом фруктового сока. Кто-то должен был сохранять хладнокровие.

– Ты знаешь Артса. Он прочитал новости в газете, и у него началась паника. Возможно, он боится жестких мер с нашей стороны. Он никогда не должен был закапывать тело на моей территории. Мы так не договаривались. Артс чертовски хорошо знал, что все его услуги оплатил с избытком. Давай сначала подождем, пока он снова всплывет. – Вандале пытался успокоить Провоста. – Ожидая, что он вернется как побитая собака, мы должны сохранять спокойствие.

– Тебе удалось связаться с Брэйсом? – резко спросил Провост.

– Йохан сейчас в Бурунди. Я ему позвоню, как только он вернется.

Провост бесцеремонно хлебал виски. Вандале подошел, сел рядом с ним и по-отечески положил свою руку ему на плечо.

– С чего бы это Артсу рубить сук, на котором он сидит? Я сделал ему практичный подарок: подарил «Клеопатру». Вилльям зарабатывает себе на хлеб вполне прилично. У него нет никакой причины нас предавать.

Провост чувствовал, как рука Вандале горит у него на плече. Он знал цену подаркам Вандале. За обветшалую виллу на Малсестеенвег Артсу пришлось выложить пять миллионов. «Клеопатра» был тогда третьесортным баром, куда брюссельские проститутки на пенсии приходили наслаждаться заслуженным отдыхом. Клиентура состояла из горстки закомплексованных коммивояжеров, которые думали, что за бутылку тепловатого игристого вина они смогут купить билет в рай.

¹⁶ Узуфрукт – право пользования чужим имуществом с присвоением доходов от него. (Примеч. ред.)

Артс взялся за дело профессионально. Он импортировал молодых гибких девушек: мулаток, филиппинок, тайских массажисток и польских блондинок. Через полгода там стали бывать сливки общества Брюгге и его окрестностей.

– Я даже подумать не могу о том, что полиция установит личность скелета и вследствие этого выйдет на след Артса. Будь уверен, этот ублюдок нас не пожалеет.

Вандале со злостью потушил в пепельнице сигару за двести франков.

– Артс не пожалеет тебя, – поправил он лаконично. – В конце концов, это ты отвечаешь за...

– Учитель, как ты смеешь? – Провост заметно занервничал. Его круглые губы побагровели.

– Спокойно, Ив. Все обойдется. Доверься мне. Эту проблему мы решим вместе. Я тебя когда-нибудь бросал?

Это был странный разговор. Провост славился тем, что за словом в карман не полезет. В суде он был высшим существом – человеком, который внушал страх своими острыми репликами. Так говорили. Но лицом к лицу с Вандале он казался школьником, который не осмелится возразить учителю.

Старый Вандале знал своего воспитанника. Он погладил Провоста по голове.

– Мой дорогой Ив, шанс, что полиция свяжет Артса с убийством, крайне мал. И это было так давно. Артс бесследно исчез. И кто же ему поверит, если он проболтается? Это слово сутенера против твоего слова. Это Бельгия, Ив. В этой стране никого не осудят, пока его вина не будет точно установлена. Ты же должен это знать. Более того, ты находишься под защитой министра иностранных дел.

Казалось, что эти слова успокоили Провоста. Он осушил свой бокал одним залпом. Алкоголь растворил страх в его глазах. Вандале снова наполнил бокалы и взял один себе.

– Ты прав, Лодевейк, – кивнул Провост. Его голос звучал решительно. Виски всегда придавало ему смелости. – За свою карьеру я оправдал уже десятки преступников, у которых дела обстояли гораздо более скверно, чем у меня.

Вандале был доволен, что спиртное подействовало.

– Рад это слышать.

Он старательно выбрал «Давидофф» из серебряного портсигара. Курить ему уже давно было нельзя. Армия черных раковых клеток захватила его легкие и теперь приготовилась загрести остальную часть тела. В недалеком будущем он умрет, но его имя должно будет продолжать жить. Нелепое убийство не сможет ничего изменить. Вскоре в его честь будут называть улицы. Он надеялся, что молодежь будет помнить о том, что Лодевейк Вандале очистил страну от иностранного декадентства.

– И все же Артс представляет для меня проблему, – сознался Провост после долгой паузы. – Возвращенцы сейчас в моде. Никто не будет испытывать сострадание к адвокату, который окажется на скамье подсудимых. Плебеи будут праздновать. Желтая пресса потребует моей головы. Артс – хитрый тип. Мы оба это знаем. Он всегда был непредсказуем.

Вандале сдержал хрип. Он зажег сигару и затянулся.

– Не беспокойся, Ив. Я обещаю тебе одно: с Артсом я разберусь.

Провост покосился на бутылку виски на кофейном столике. «Еще один бокал», – подумал он. Тогда он будет спать спокойно.

Глава 4

Только горстка пассажиров проходила регистрацию на рейс в Рим, но это не означает, что в национальном аэропорту было спокойно. На чартеры до Канарских островов было, как всегда, не пробиться. Подзагорелые пожилые люди плелись с тяжеленными чемоданами к своим местам отправления. В наши дни врачи рекомендуют им такие путешествия. Что может быть прекраснее, чем умереть от инфаркта на пляже в субтропиках?!

Вилльям Артс благополучно прошел паспортный контроль. Он выглядел как заурядный бизнесмен: спортивный костюм, легкий чемодан «Делси» и номер «Финансового экономического времени»¹⁷ под мышкой.

Артс мечтал об этом моменте больше пятнадцати лет. У него наконец-то был предлог сбежать из этой хреновой страны. Все кончено с Линдой – с этим ноющим бегемотом. И педофил больше никогда не будет его унижать. Сегодня он стал свободным человеком. Правда, момент был выбран неидеальный. Ну и что? Настоящий мужчина следует по пути, который ему уготовила судьба.

Движущая сила четырех ревущих реактивных двигателей прижимала его к мягкой обивке широкого пассажирского кресла. Минуту спустя он был в облаках. Обещали дождь, и он от всего сердца желал его всем бельгийцам.

– Не желаете чего-нибудь выпить? – наклонилась благоухающая свежестью стюардесса.

«Вот это настоящая жизнь», – подумал Артс. Он летел первым классом, и в просторном отделении было еще не больше пяти пассажиров.

– Кампари, пожалуйста.

Артс вытянул ноги. За это пространство он заплатил прилично. О такой роскоши он мечтал всю свою жизнь. Через три десятка лет Артс наконец-то обыграл своих соперников. Он летел на юг, а его прежние дружки сидели по уши в дерьме.

– Ваш кампари, господин.

Стюардесса приветливо засмеялась. В любом случае она производила впечатление доброжелательного человека. Или она засмеялась, потому что он был вне себя от этой роскоши?

Артс попробовал аперитив и закрыл глаза от удовольствия. Труп сделал для него больше, чем он когда-либо смел мечтать.

– Господин Вандале может принять вас через несколько минут, комиссар Ван-Ин.

Несмотря на то что официально Вандале был на пенсии, жизнь его уходила на сидение в офисе. Старик еще крепко держал бразды правления фирмы.

Секретарь проводила Ван-Ина в маленькую приемную с видом на голый внутренний двор из бетона и этернита – торговая марка фирмы. На стене висели пожелтевшие черно-белые фотографии – вероятно, это была работа чересчур старательного сотрудника. На них были запечатлены мосты и дороги, на первом плане – одетые в черное мужчины, один из которых неизменно перерезал ленточку.

Луи Вандале, отец Лодевейка, в свое время нажился на выполнении госзаказов. В шестидесяти годах он заасфальтировал половину Фландрии.

Ван-Ин с улыбкой поблагодарил секретаря.

– Чашечку кофе, комиссар? – спросило это упакованное в серое существо в очках.

– Нет, спасибо.

Женщина – вылитая Одри Хепберн – была правой рукой Бенедикта Верворта.

¹⁷ Название газеты.

– Я хотела бы поговорить с директором филиала, и немедленно, – прорычала Линда Артс.

Марк, сотрудник за окошком, попытался успокоить госпожу Артс. Ведь за ней стояли еще три клиента. Одним из них был господин Остейн, и он не любил скандалов. Хилэр Остейн был председателем местного объединения мелких предпринимателей и одним из лучших клиентов филиала.

– Успокойтесь, госпожа Артс. Господин Алберт подойдет через пять минут. Он, как и я, уверен в том, что речь идет о неприятном недоразумении.

– Если вы дадите мне десять тысяч франков, то господин Алберт мне не понадобится! – сердито крикнула Линда.

Марк смотрел то на раскрасневшуюся госпожу Артс, то на плотно сжатые губы господина Остейна. Раньше он решил бы эту проблему в мгновение ока. Он бы выдал ей десять тысяч франков – и проблемы как не бывало. В наши дни у обычного банковского клерка таких полномочий больше нет. Кто ничего не имеет, тот ничего и не получает. Новое правило было непреложно.

– Ну, скоро вы там, или мне рассказать, как я познакомилась с господином Албертом?

Линда повернулась и воинственно посмотрела на ожидающих клиентов. Остейн делал вид, что ее не знает. Однако сотрудник банка знал, что и его начальник, и Остейн часто бывали в «Клеопатре». Он взял деньги из выдвижного ящика и напечатал сумму. В этот момент дверь распахнулась. Скорость, с которой Алберт Денолф отреагировал, была поразительной. Он подозревал, почему Линда была здесь, и он знал ее темперамент.

– Госпожа Артс, – произнес он ележным голосом. – Как приятно видеть вас здесь. Все в порядке, я надеюсь?

Марк снова спрятал деньги и с облегчением аннулировал выплату.

– Все в порядке, – ответила она с издевкой. – Что бы ты подумал, если бы я...

– Линда, – перебил ее Денолф. – Если есть проблемы, давай спокойно обсудим их у меня в офисе.

Его мягкий подход имел успех. Линда прекратила свое наступление. Она гордо повернулась и проследовала за Денолфом в его офис.

Остейн пришел обменять несколько купонов, забрать выписки и представить к оплате стопку платежных документов. Богатый предприниматель был человеком старой закалки. Телебанкинг был не для него. Марк неслышно вздохнул. Транзакции Остейна точно займут больше пятнадцати минут. Однако эту рутину прервал звон бьющегося стекла. Остейн отреагировал так, как сделал бы каждый настоящий капиталист. Он сначала просунул ценные бумаги в окошко и только после этого оценил обстановку.

– Ну, Линда, – услышал он, как Алберт крикнул вполголоса.

Дверь в офис Алберта резко распахнулась. Осколки разбитой пепельницы похрустывали под каблуками Линды.

– Это были наши деньги! – кричала она.

Алберт стоял за своим столом, как истукан.

– И ты просто так все ему отдал.

– Деньги были на его имя, Линда. Я попытался заставить его отказаться от своего плана, но, как банкир, я не мог ничего поделать, кроме как...

– То есть поступить по-другому ты не мог! – завизжала Линда. – Ты мудака чертов. Знаешь, чего я сейчас хочу?

Все, включая Остейна, напряженно слушали.

– Я бы хотела когда-нибудь увидеть рожу твоей жены-католички, когда она услышит, что раз в два месяца ее уважаемый муж...

– Линда, пожалуйста.

Денолф бросился к двери и, вполне вероятно, побил мировой рекорд по тройным прыжкам в помещении. Он захлопнул дверь и достал бумажник.

– Вот тебе десять тысяч франков. Через несколько дней Вилльям гарантированно вернется домой. Тогда и посмотрим, как будем решать этот вопрос дальше.

– Давай двадцать, – дерзко заявила Линда.

За пару секунд Денолф втянул в свои ноздри столько воздуха, что ему угрожала гипервентиляция легких.

– Вилльям стащил деньги, но видеокассеты все еще лежат в нашем сейфе, – похвасталась она. – Могу себе представить, с каким злорадством их посмотрит полиция, – злорадно добавила она.

Средь бела дня Денолф превратился в жертву ночного кошмара. Он махнул рукой, чтобы она немного подождала, пошел к телефону и позвонил Марку.

– Госпожа Артс сейчас будет выходить, спиши ей двадцать тысяч франков с моего счета.

– Скажи, чтобы он их принес! – гаркнула она.

Денолф кивнул, как примерный раб. Значит, это работало и тогда, когда она была не в кожаном костюме.

– Не надо, Марк. Я сам подойду.

Лодевейк Вандале поприветствовал Ван-Ина дружелюбным рукопожатием. Он указал на уютный уголок рядом с окном. В отличие от вида из окна в приемной сейчас Ван-Ину открывался прекрасный вид на ухоженный альпинарий, в середине которого журчал фонтан. Фонтаны были в моде. Он имелся у каждого уважающего себя человека.

– Хотите что-нибудь выпить, комиссар?

Ван-Ин любезно отказался от заманчивого предложения. Было бы проявлением римско-католического лицемерия превратить смертный грех в грех прощительный.

– Не глупите, комиссар. От виски на доньшке стакана еще никто не умирал.

Ван-Ин стиснул зубы и помотал головой.

– Тогда кофе?

– С удовольствием.

Вандале положил свою толстую сигару в пепельницу и по внутренней связи попросил кофе.

– В первую очередь я хочу подчеркнуть, что мой визит не имеет официального характера, – отчеканил Ван-Ин.

– Присаживайтесь, комиссар.

Ван-Ин опустился в импозантное кресло, которое почти полностью его поглотило. Вандале сел прямо напротив него. Крепкий старик возвышался над ним, словно голем.

– Я полагаю, что ваш визит связан с находкой на лугу Love¹⁸. – С замашками современного Нострадамуса он предвосхитил возможный вопрос Ван-Ина.

«Царь небесный», – подумал Ван-Ин. Вандале даже дал имя этой конуре. Он с грустью вспомнил годы своего детства, когда вместе со своей сестрой и дочерью местного бакалейщика ходил играть на пляж Бланкенберге. В том городе у облезлых вилл тоже были громкие имена: Camelot¹⁹, Beau Geste²⁰ или Manderley²¹.

¹⁸ Любовь (англ.).

¹⁹ Камелот (англ.).

²⁰ Красивый жест (фр.).

²¹ Мандерлей (англ.).

– Да, действительно, господин Вандале. Согласно судмедэксперту, убийство было совершено в восьмидесятих годах. Love, – Ван-Ину было сложно произнести это смехотворное название, – в то время был еще вашей собственностью.

Вандале выпрямил левую ногу и помассировал свое колено.

– Ревматизм, – простонал он. – Мои колени подводят меня уже много лет.

Меня тему, старый лис пытался выиграть время, но Ван-Ин на эту удочку не попался.

– Могу я вас спросить, регулярно ли вы посещали раньше свое владение? – спросил он беззаботно.

– Ах, комиссар. Мой отец построил Love своими руками. Когда я был ребенком, я каждое лето ездил туда играть, потом я иногда приезжал рисовать. Для меня этот дом – часть моего детства.

На стене висели различные любительские акварели. Немного фантазии, и Ван-Ин узнал очертания Love.

– Вы когда-нибудь сдавали дом?

Вандале разразился громким смехом.

– Уважаемый комиссар, я владелец кучи домов, вилл и квартир. Я их сдаю. Love – это чистая ностальгия по детству. Это был наш первый дом для каникул. Насколько я себя помню, хибара всегда выглядела обветшалой. В нынешнее время люди требуют комфорт. Снимать конуру больше никто не хочет.

Ван-Ин был рад, что в этом они были согласны друг с другом. Это объясняло, почему Вандале передал НКО именно Love. Ведь каждый знает, что богатые люди отдают лишь те вещи, которые не представляют для них ценности или которые они сами больше не могут использовать.

– То есть Love все это время пустовал?

Вандале глубоко затянулся сигарой. Бледный молодой человек тактично вошел с подносом.

– Поставь на мой стол, Винсент, мы сами возьмем.

Вандале с хрустом встал. В профиль он был немного похож на президента де Голля: импозантный и неприступный.

– Я иногда бывал там с несколькими кузенами, – сказал он беззаботно. – Дети с ума сходят от старых домов, где они могут дать себе волю. Иногда мы даже оставались там на ночь. И тогда вечером мы разводили гигантский костер. Сейчас, конечно, так уже делать нельзя, но в те времена никто не обращал на это внимания. Ребята литрами пили колу, пели песни или ставили сценки. Я вот еще очень живо помню лето 1972 года. Было так жарко, что мы все спали под открытым небом. Сейчас это, конечно, было бы уже невозможно. Вандале указал на свои колени.

Сам Ван-Ин тоже хранил особо приятные воспоминания о том жарком лете. 20 августа того года он в первый раз переспал с девушкой.

– Позже, когда один из моих кузенов был лидером скаутов, Love служил для разных молодежных движений местом для кемпинга.

Вандале налил кофе:

– Сахар?

Ван-Ин отрицательно помотал головой.

– То есть там никогда никто не жил, – напирал он.

– Верно, комиссар. Одиннадцать лет назад я передал Love благотворительной организации. Молодые люди уже давно туда больше не приезжают. Они теперь ставят палатки только там, где поблизости есть душ и микроволновые печи.

Вандале рассмеялся, словно миссионер, который только что обратился в христианство двадцать язычников.

– Молодежь сегодня стала очень требовательной, комиссар. Былая романтика умерла. Как можно быстрее построить карьеру и заработать деньги – это единственные вещи, которые их сейчас интересуют.

Вандале был, пожалуй, последним человеком, который имел право сделать подобное замечание. Тем не менее Ван-Ин кивнул и сделал глоток кофе.

– Я убедился в этом на собственном опыте, господин Вандале, – сказал он дипломатично. – Сейчас все должно быть быстрым и автоматическим. Вы можете себе представить, какая бы началась паника, если бы с завтрашнего дня у всех пропали пульты управления?

Вандале затряс головой от смеха. Он поставил чашку на переносной столик и достал носовой платок. У него по щекам катились слезы.

– В таком случае мы оказались бы совершенно беспомощны, комиссар. Большинство людей стали бы с возмущением звонить мастеру и говорить, что их прибор сломался.

Ван-Ин подыграл. Он сделал неловкую попытку спародировать усмехающегося подрядчика. Делал ли он это слишком заметно, или Вандале осознал, что он, как неопытный детеныш, попался в ловушку?

– Мы, конечно, не можем переложить на молодежь все грехи Израиля, – внезапно посерьезнел Ван-Ин.

– Признайтесь, комиссар, что роскошь и нас, взрослых, затягивает. Иногда эти гаджеты чертовски удобны.

Вандале демонстративно массировал свои негнущиеся колени.

– Я должен признаться, что сам не откажусь от частички современных технологий. Дома я оборудовал ворота гаража дистанционным управлением. Это избавляет меня от нескольких болезненных моментов. Если привыкаешь к такому комфорту, тогда...

– Вы везде устанавливаете такой гаджет, господин Вандале?

Казалось, открытая улыбка – торговый знак старого подрядчика – окаменела. Он сделал глоток кофе, поперхнулся и прикинулся, как будто у него приступ кашля. Эта комедия дала ему отсрочку на несколько секунд.

– Вы, вероятно, имеете в виду решетчатые ворота Love, комиссар.

Ван-Ин кивнул.

– Это был вопрос не лени или негнущихся колен, – сказал Вандале. Он постарался сделать так, чтобы его голос звучал драматично. – Установка электрических ворот – необходимость, вызванная крутым поворотом дороги.

Ван-Ин выслушал печальный рассказ. Въезд в Love находился сразу за крутым поворотом. В 1979 году там произошел несчастный случай, едва не окончившийся смертельным исходом. Мопедист врезался в припаркованную машину Вандале, когда тот открывал решетчатые ворота. Дорога к Love была узкая, а «мерседес» Вандале занимал почти всю ее ширину. И хотя в несчастном случае жертва выжила, Вандале поклялся, что с ним такого больше не произойдет.

– Поэтому я немедленно оборудовал ворота дистанционным управлением, – решительно произнес Вандале. – Потому что профилактика всегда лучше лечения.

Это был правдоподобный рассказ, о чем Ван-Ин сожалел. Он поручит Барту это проверить. Таким образом, они на некоторое время избавятся от надоедливого главного инспектора полиции.

– Вероятно, это лишний вопрос, господин Вандале, но профессия обязывает меня задать его.

Старик глубоко затянулся наполовину выкуренной сигарой «Давидофф». Он был рад, что Ван-Ин не стал углубляться в историю с воротами.

– Пожалуйста, комиссар, продолжайте.

– Вам кто-нибудь когда-либо сообщал, что на территории вашего владения захоронен человек?

Вандале ожидал совершенно другого вопроса.

– Нет, комиссар, – ответил он решительно.

– Вы также никогда не обнаруживали следов попытки взлома?

Вандале отрицательно помотал головой. Ему даже не пришлось врать.

– Как я уже сказал, комиссар, я бывал там крайне редко. Убийца наверняка это знал.

– Я тоже так думаю, – согласился Ван-Ин. – Подобные случаи подробно описаны в специальной литературе. Чтобы избавиться от жертвы, преступник чаще всего ищет пустынное место. Во Фландрии такие места – редкость, из чего мы можем сделать вывод, что убийца знал район в общем и вашу собственность в частности.

– Мне это кажется вполне допустимым тезисом, комиссар. Мне бы хотелось помочь вам в дальнейшем.

Ван-Ин допил свою чашку кофе и встал. Теперь он наконец-то смог посмотреть на Вандале сверху вниз.

– Господин Вандале, – произнес он слащавым голосом. – Вы мне чрезвычайно помогли.

Это был старый трюк, которому он научился еще в полицейской школе. Он заключался в том, что полицейский всегда должен производить впечатление, будто он знает больше, чем считает противная сторона. Ведь сомнение – это семя, которое быстро прорастает и которое иногда подталкивает подозреваемого к необдуманным шагам.

– Я буду держать вас в курсе того, как протекает расследование, – пообещал Ван-Ин.

– Я буду ждать с большим нетерпением, комиссар.

Старик поковылял вперед и проводил Ван-Ина до входной двери. Он казался чуть менее самоуверенным, чем час назад. Или Ван-Ину это только показалось?

В большинстве путеводителей простодушным туристам советуют не бродить в одиночестве в Неаполе. Вилльям Артс не стал пренебрегать этим мудрым советом. Он взял такси до порта. В кармане его брюк лежал бумажник с пятьюдесятью банкнотами по сто долларов и четыре миллиона лир в крупных купюрах. Несмотря на невыносимую жару, во время поездки на поезде из Рима в Неаполь он не вынимал руку из кармана. Это был район мафии, и здесь всего лишь за часть такой суммы людям перерезали горло.

Бухта Неаполя – прежде экзотическое направление – смотрелась как серая подмышечная впадина умирающего организма, который назывался городом. Свирепый сигналивший водитель такси с истинным презрением к смерти вез Артса через хаос. Ему было наплевать на светофоры, и он, ругаясь, протаривал себе дорогу через битком забитые улицы. Можно было назвать маленьким чудом то, что, несмотря на все препятствия, он доставил своего клиента к месту назначения в целостности и сохранности.

В портах всегда воняет, но в Неаполе вонь тухлой рыбы и испаряющейся мочи сравнима по своей силе с более приятным запахом нефтетоплива и дегтя. С этим неудобством Артсу поневоле пришлось смириться. Если все будет благополучно, через час он сможет сесть на борт.

Паром в Палермо был набит до отказа. Артсу пришлось довольствоваться незащищенным местечком на носовой части палубы. Ему было все равно. В случае необходимости он бы совершил поездку в гробу.

– Прощай, Линда, прощайте, ублюдки, – сказал он тихо, когда от стука корабельных двигателей стала бурлить грязная вода. Через полчаса ветер обведал его потное лицо. Вдали манил горизонт. Казалось, что мальчишечья мечта наконец-то сбывается.

Лодевейк Вандале покинул свой офис через пять минут после ухода Ван-Ина.

– Остальную часть дня меня не будет.

Его секретарь протянула ему соломенную шляпу и трость.

– Ясно, господин Вандале. До завтра.

– До завтра, Лисбет.

Лисбет подержала ему дверь, а затем просто продолжила свою работу.

Обычно Вандале обедал в эксклюзивном ресторане на краю города, но сегодня он поехал прямо в свою виллу на канале Дамсе-Ваарт. Разговор с Ван-Ином не давал ему покоя. Его беспокоило не столько содержание разговора, сколько то, каким образом комиссар поднял тему решетчатых ворот. Он опасен, и с этим надо было что-то делать.

В гостиной Вандале взял из бара бутылку «Экшо» и щедро угостил себя коньяком двадцатилетней выдержки. Потом он сверился со своей записной книжкой и набрал номер министерства иностранных дел.

Йохан Брэйс сидел за своим столом, когда зазвонил телефон. Министр лишь час назад приземлился в Завентеме. Его рабочий визит в Руанду принес очень мало результатов. Страна в руинах, и сто миллионов в качестве гуманитарной помощи, которые он обещал своему руандийскому коллеге, мало что изменят. Чтобы вызвать в суд виновников геноцида, в первую очередь должен заново начать функционировать судебный аппарат, а чтобы это реализовать, потребуется больше ста миллионов. Кроме того, получит ли Руанда когда-нибудь обещанную помощь – это еще вопрос. Собственно, Брэйсу было все равно. Для его карьеры важнее заявить сегодня вечером в выпуске новостей, что бельгийское правительство (то есть он) делает все возможное, чтобы помочь руандийскому правосудию разыскать и осудить серийных убийц. Ведь через несколько месяцев будут парламентские выборы, и чем больше он будет появляться на телевидении, тем больше голосов он потом наберет.

– Некий Лодевейк Вандале на первой линии, господин министр. Он говорит, что это срочно, – доложила его секретарь, извиняясь.

– Все в порядке, Соня. Я знаю господина Вандале, – успокоил ее Брэйс. – Переключай. Здравствуйте, господин Лодевейк.

– Здравствуй, Йохан. Как все прошло в Бурунди?

– В Руанде, – осторожно поправил его Брэйс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.